

Александр ЖАРКОВ

КЛЮЧ РАЗУМЕНИЯ

@ЭЛИТА

12+

Александр Жарков

Ключ разумения

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Жарков А.

Ключ разума / А. Жарков — Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Все... ну ладно, может не все, но многие читали или слышали сказку про Трёх Толстяков, канатоходца Тибула, оружейника Просперо, про танцовщицу Суок, наследника Тутти и, конечно, про доктора Гаспара Арнери. Вот и в этой истории они появятся, но уже после свержения толстяковского правительства. И учитель танцев Раздватрис появится, но только в отличии от того, здесь он такой злодей, что даже получает прозвище живодёр. Но главное – эта история про любовь, да какую!.. Больше 30-ти лет принц Алекс по прозвищу Гистрион ищет свою возлюбленную принцессу Кэт, украденную чародеем Чалтыком, а она все эти годы путешествует рядом с ним, но он об этом даже не догадывается. А как это может быть? Прочитайте роман и подумайте, возможно, та принцесса, о которой вы мечтаете, совсем рядом с вами?.. Не обойдётся в этой сказке и без сверхъестественной силы – семьи по имени «Я», обитающей на Сочинённом острове. Старший брат – Великий Книгочей и его сестра Фея и героев оживят, а некоторым даже бессмертие выдадут. Но на самом деле всё решают, конечно, не они, а Тот, чьё Имя несколько веков ищут рыцари-ключеносцы из Средневековья, а находит маленький сынок Гистриона и Кэт из Деваки. Приятного прочтения!

© Жарков А., 2014
© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвёртая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Жарков
Ключ разума, или жизнь и
приключения Метьера Колобриоля, Алекса
Гистриона, Принцессы Кэт, А также злодея
Ангора Антаки и многих прочих, живших
в эпоху после свержения Трёх Толстяков

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

В восьмидесятих годах прошлого века, в знаменитом московском театре с успехом шёл спектакль «Три толстяка» по повести Ю. К. Олеши. Я исполнял в нём роль учителя танцев Раздватриса. Роль была немножко не моя: я не был так ловок в смысле танца и вместо того, чтоб учиться изяществу, я стал подминать роль под себя, что вроде бы не совсем по системе Станиславского. В итоге получился персонаж немного, или вернее совсем не тот, что у Олеши. Создавая, по заветам Немировича-Данченко, вокруг своего героя «роман жизни» я много фантазировал. Появлялись разные самостоятельные лица, а те, что придумал автор, претерпевали изменения.

И вот, 30 с лишним лет спустя, что-то заставило меня – может быть тоска по несбывшимся надеждам молодости, – к этим героям вернуться. Они совсем не похожи на героев Олеши, я позаимствовал только некоторые имена. Я мог бы перекроить трёх толстяков в четырёх Худяков, и прочее, но что делать с ностальгией по юности?! Я клоню к тому, что если кто не читал «Трёх толстяков», а также не знает, кто такие К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, это никак не помешает чтению моего сочинения. Моя книжка начинается после того, как захлопнулась книжка Олеши, но это не продолжение, а самостоятельная книга.

АВТОР. 2012 год

Пролог

Даю слово Деду-Насквозьведу. Вот он с клюкой и в зимней шапке летом в толстяковском парке на скамеечке воздушном чистым дышит.

– Болтали, что страна наша Девака произошла от слова девахы. Мол, девки у нас всегда урождались видные, вот такие... (Показывает, какие бывают «видные» девки. Молодые оболтусы рядом смеются). Ну, девахы у нас всякие есть, есть и вон какие... (Поднимает с земли щепку). А другие болтали, что девака – это такая... (задумывается). Ну, не знаю... Думаю, что названия Девака автор из своего воображения вытащил, или кто ему в уши надул. Есть же у нашей истории какой-то автор? Говорят, его зовут Книгочей, и живёт он на Сочинённом им самим острове.

– Страна наша Девака живёт пока под игом, или, так сказать, под пятою эксплуататоров-толстяков, но перемены, я чую (тянет носом воздух) близко, можно сказать, рядышком, наверное, прямо этим августом, потому что народ... (К Деду подходят двое гвардейцев-дежурных по парку)... построил вокруг страны нашей Непроходимую стену, чтоб никто и никогда! (Гвардейцы отходят).

– А за стеною во все стороны раскинулось Средневековье – такая обширная земля, гораздо обширнее Деваки, и живут там... Да кого там только нет. Но главное: рыцари-ключеносцы. Они молятся Единому, но Неведомому Богу, и в дальних походах пытаются обрести Его имя (гвардейцы снова приближаются, поэтому дед говорит быстро), которое хранится в шкатулке ключуних естествошкатулки нет потому что ключеносцы. Уф! Успел... если вы чего поняли. (Гвардейцы останавливаются неподалёку. И Дед говорит для них). А вообще я толком не знаю, кто в этом Средневековье живёт, я там никогда не был – стена же Не-про-хо-димая!

– Теперь с водой разберёмся. Море есть на юге в Средневековье. (Мечтательно). Тёплое, наверное... А на севере и у нас и у них тоже морище, но студё-ёное. (Ёжится). Да. И есть ещё Сочинённый остров в северном море. Но он то есть, то его нет, и когда он есть, то всё время в тумане, как будто его и нет. Ну, понятно вам наше мироустройство?

Примерно выглядит так: (чертит на песке).

А за всем этим, очевидно, другие миры, но этого мы не знаем.

Тем временем через парк ко дворцу бежит вооружённый кто чем попадая разъярённый народ. Гвардейцев сбивают с ног.

Голос из народа:

– Ты чего тут торчишь, дед? Революцию проторчишь!

– И в самом деле, что это я? – сказал Дед-Насквозьвед, поднял упавшую клюку и застылял за восставшим народом.

Глава первая

Алекс из Середневековья

Середневековье гораздо больше Деваки. Оно окружает Деваку с трёх сторон: с запада, юга и востока, лишая её выхода к трём океанам. И только небольшой северный кусочек Деваки, там где рудники, выходит ко всеобщему Северному Студёному Морищу, которое также омывает и невидимую часть мира: Сочинённый остров, например.

Середневековье – это не единое государство, а обширная территория со множеством отдельных королевств, княжеств, феодальных земель и замков, с разнообразным ландшафтом, климатом, обычаями и наречиями. В будущем, должно быть, появится завоеватель, или правитель, который всё это завоюет и объединит, но пока каждый сам по себе. Дед Алекса, прозванного впоследствии Гистрионом, носит титул короля Кеволимского, у него несколько замков, и при каждом деревни с крестьянами. То есть он крупный и богатый феодал, и мечтает женить Алекса на дочери соседнего обнищавшего герцога, чтоб присоединить его земли к своим. А чем ещё заниматься, так сказать, на пенсии? Рыцарские походы за Великой Шкатулкой остались в молодом прошлом. Шкатулка не найдена, но Ключ Разума от неё у него, он Хранитель этого ключа, он рыцарь-ключеносец Высшего посвящения, а внук Алекс – единственный его наследник, и земель, и душ, и Ключа. Алекс – юноша ловкий, стреляет из арбалета, владеет мечом и скачет на лошади превосходно, один минус – читает много. Не просто много, а не выпускает книгу из рук. А с другой стороны, может и хорошо, не век же в средних веках прозябать, может, и Новое время грядёт, и грамотные читайки нос утрут всяким мечом-махайкам, кто знает! «Весь в бабку, – думает король, – ту тоже из библиотеки не вытащишь, оттого и книг столько в главном замке, ну и по другим тоже напихано». Но вот тут и второй минус: как внук может быть в бабку, если не родные они ему, ни дед, ни бабка, – и вообще, сирота Алекс от младенчества, да об этом потом!

В северо-западном Середневековии земли короля Кеволимского.

Главный замок посерединке, среди старых разрушенных гор, в долине реки Кеволим, где моют золото, а в горах камни-самцветы, да руды. В этом замке вырос наш герой, в потоках горных, холодных, чистых закалял он себя. И такие же чистые помыслы имел, и душу верную. И хоть и тощ был несколько, но костью крепок, и ростом высок, и очами... А вот очами от постоянного чтения не особо зорек. И даже особенный такой стеклянный камешек в кармане камзола носил, и временами к глазам приставлял. Ведь не было у них очков-то! Электричества и огнестрельного оружия тоже не было, такие ещё тёмные времена, что поделаешь!

11 апреля семнадцать лет исполнилось Алексу, и как раз в этот день возле замка появился глашатай. «Подарок мне такой был ко дню рождения», – не раз повторял потом Алекс.

В замке шли приготовления к празднику. Глашатая стащили с лошади и не дали трубить в рог: король сперва сам выслушивал новости, а потом – если они были для него безобидны, выпускал глашатая в народ; а бывало, что, пригрозив в случае разглашения новости плетью, или даже смертью, и напоив хорошенько, прогонял взащей.

Две-три рюмки крепкого вина, выпитые в честь приёмного внука после утренней охоты были виноваты в том, что король размяк и допустил оплошность: при разговоре с глашатаем присутствовал Алекс и некоторые другие лица, но главное – Алекс! Глашатай развозил повсюду новость, что король Эдвард, по прозвищу Смешной, устраивает состязания в ловкости и уме для принцев, герцогов и баронов на соискание руки его единственной дочери Кэт. Состязания состоятся летом, а осенью, когда принцессе исполнится пятнадцать, она выйдет замуж за

победителя, и тот получит половину королевства её отца. Прилагался и небольшой рисованный портрет принцессы.

– Пятнадцать лет? Старуха! – сурово изрёк король, приметив, как жадно смотрит на портрет Алекс. – У нас принято выдавать в тринадцать. Этот папа-король одна насмешка. И бабка у неё – ведьма. И потом, у тебя уже есть невеста. – И сообразив, что Алекс его не слушает и упорно смотрит на портрет, положил тяжёлую руку на его плечо и властно надавил. Алекс вскрикнул и отвлёкся.

– Сынок, тебе что, она нравится?

– Да нет, отец, – он называл неродного деда отцом, – да нет, что ты! Она обыкновенная, – глядя прямо в глаза королю, в первый раз в жизни соврал он. Кэт была совершенно необыкновенна уже тем, что мгновенно завладела его сердцем, выбросив оттуда всех и вся! Но чувствуя, что ему не верят, а правду говорить почему-то опасно, Алекс добавил, стараясь выглядеть паймальчиком: – К тому же... У меня уже есть невеста, не так ли? – И он постарался представить дочку захудалого герцога, которую ни разу не видел, жирной и безобразной.

– И вы обручены. Будете. Сегодня же.

...К счастью, наречённая невеста заболела и не приехала на день варения. Но счастье не приходит одно. Пожилой шут Квиллин видел мельком портрет принцессы. А он обладал памятью, которую по изобретению фотографии назовут фотографической, и то, что он видел миг, оставалось в нём навсегда. Квиллин был неплохой художник – шуты даровиты во многом – и нарисовал Кэт очень похожую, хотя и маленькую, чтоб помещалась в медальон на шею. Это был воистину королевский подарок, хоть и запоздал к семнадцатилетию на пару дней. Вообще, Алекс и Квиллин были большие друзья, и шут обучал пацана ремеслу дураковаления – тайно от короля, – а также музыке и стихосложению – а вот это не запрещалось и даже очень пригодилось потом будущему знаменитому Гистриону. Короткий разговор между дедом и внуком всё же состоялся.

– Отпусти, отец, счастья попытать.

– Нет. Я уже дал герцогу слово рыцаря. И он мой старый боевой товарищ. – И дед ещё раз отрицательно мотнул головой с длинными льняными кудрями до плеч. Внук печально вздохнул: волосы у него были короче и темнее – не родная кровь, приёмный!

Значит, оставалось одно: убежать из замка и пересечь все обширные земли короля так, чтоб Алекса не хватились, и нигде не узнали, что представлялось совершенно невозможным, но забыть Кэт навсегда не представлялось вообще никак. К тому же Квиллин раздобыл карту Средневековья, и уже отметил путь во владения Эдварда Смешного короля. И как после этого отступать от задуманного?!

Просто уйти из замка Алекс не мог, за ним следили. Первая попытка побега – сняли со стены, вторая – вытащили из подземного хода, в третий раз он надел капюшон простолюдина и уехал на возу, зарывшись в какую-то дрянь – узнали в первой же деревне, вернули. Возницу отодрали жестоко, до беспомысленности, Алекса тоже... в первый раз в жизни похлестали прутьями. Перенёс мужественно – «а вот и не больно!» – он же не знал, что это пока так, понарошку... «Но лучше деда не зли», – попросила его бабка-королева. Хорошо, что невеста ещё болела. А король до её выздоровления принял меры. Отправил внука в дальний мрачный замок на островке в Студёном Морище.

Посадили его в башню, сквозь узкую щель в стене которой бурливые ледяные волны едва виднелись. И на хлеб его и на воду, строптивного! И ведь, действительно, давали только чёрствые корки да простую воду. Но ничего, в семнадцать лет зубы ещё грызут, не выпыпадали! Но дрогнуло дедово сердце, когда, проведя не день, не неделю, а целых две в тесноте, темноте, в голоде и в холоде, узник ни разу не пожаловался ни на питание, ни на содержание, и, по видимому, не собирался смириться. «Издеваешься над ребёнком! Ну, правильно, не свой – чужой!», – подначивала бабка, зная, как любит король Алекса. И добавляла: «Видно, ему слаще

в тюрьме, чем с нежеланной под венец!». Но деду было уже интересно, кто упрямей: он или внук. И тут случилось неожиданное.

В серёдке мая, как всегда, был праздник посвящения в мореступы, поскольку у короля было несколько малых и даже три больших лодки, ступающих – как говорили здесь – в Западные моря. Молодые мореступы, в основном деревенские парни, должны были показать свою ловкость и вообще готовность посвятить себя опасному ремеслу.

Погодка была не очень. Вернее, совсем скверная. Ветер, хоть и не ледяной, как в декабре, но очень сильный, так что из десятка молодых людей, претендующих на звание мореступов и лазающих по мачтам, двое-трое сорвались в море с накренившейся большой лодки, по-здешнему – корабели – и их утащила в пучину ужасная волна-тягун, бороться с которой бесполезно, а ещё одного разбило о палубу.

Король, наблюдающий в подзорную трубу из стоящей в укрытой от ветра бухте небольшой обустроенной корабели, был весьма недоволен: и погодой, и подготовкой юнцов, и выговаривал что-то стоящему рядом Главмореступу с бородой вроде лопаты. Но главное, ему было неприятно то, что рядом в башне сидит не смирившийся Алекс. И вот тут-то и случилось то, чего никак невозможно было предположить.

– Смотрите! – вдруг завопил с ближней лодки Поммореступ, брат Главмореступа, тоже с бородой лопатой. Но если у того была лопата штыковая, то у этого совковая. – Смотрите, чё дёется! Сумасшедший!

Из башни, о которой как раз и думал король, из отверстия для метания ядер, находившимся рядом с камерой, в которой сидел Алекс, спускался по выброшенной узкой верёвочной лестнице воистину сумасшедший, трудно даже назвать его просто смельчаком, настолько это было безрассудно. Ветер ревел и рвал, океан бушевал, шторм разыгрался не на шутку, высота от окна до воды была метров пятнадцать.

Сердце деда похолодело, когда он глянул на безумца в трубу и увидел сосредоточенное лицо внука. И вдруг это лицо стало восторженным, казалось, он пел о своей возлюбленной, и, несмотря на все рыцарские походы и пережитые опасности, деду стало нехорошо.

– Снимите его оттуда... как-нибудь, – прошептал он, опустившись на лавку корабели.

– Принц, там принц! – казалось, он слышал, как несётся со всех лодок. Братья с лопатами вместо бород отдавали какие-то команды.

Ветер был сильный, но он бил в башню и прижимал лестницу к каменной стене, и можно было медленно, но ползти вниз, а значит, пока беглецу везло. Но ведь Алекс не был опытным мореступом, он был всего лишь глупым влюблённым книжным мальчиком, и сколько его юные руки могли держаться за верёвку на ледяном ветру? А ветер вскоре переменялся, и середина лестницы оторвалась от стены, и её стало отдувать в сторону. Хорошо что конец (который, кстати, метра на два не доставал до бушующих волн) с железными цапками, при падении сверху случайно зацепился за какую-то дыру, и был как бы намертво прибит к стене, иначе бы Алекса разбило о стену или вышвырнуло в лаву океана. В этой достаточно широкой дырище, служащей каким-то военным целям, показалась лохматая голова Поммореступа, который лично пытался железным крюком втянуть внутрь башни развевающуюся и крутящуюся лестницу. Кто-то подоспел ему на помощь.

Король взял себя в руки и снова глянул в подзорку. Лестница была более-менее прижата к стене и сынок мог ползти вниз, но насколько хватит силёнок?

– Мне надо быть в том проёме, – тихо попросил он кого-то, кто был рядом.

...Когда Алекс опустился вровень с окном, и бешеный океан пытался укусить его за ноги, он увидел печальные глаза деда.

– Сдаюсь, сынок, – сказал измученный король, и измученный Алекс шагнул в окно.

...А как же Алекс очутился на лестнице? Да очень просто. Стражник позарился на стекляшку для глаз, в которую временами смотрел «королёныш», как называли принца подвыпив-

шие караульщики. Действительно, этот драгоценный камень кастар, из породы кевалимских самоцветов, стоил целое состояние. В благодарность не вяжущий лыка стражник, сладко заснув на пороге открытой камеры с кастаром в кулаке, открыл Алексу путь к свободе. Зайдя в соседний бокс, тот увидел в стене дыру, а под ней свёрнутую в клубок верёвочную лестницу. Спуститься по винтовой лестнице внутри башни, конечно, было бы безопасней, да бесполезней – там наверняка стража. А впрочем, Алекс не об этом думал. Он думал: на острове праздник, а значит, наверняка, дед, а значит, он увидит его, и... надо ему доказать, что он не хухры-мухры! Вот это и подвигло его не по винтовой лестнице спуститься, а вылезти наружу и повиснуть над водяной бушующей пропастью...

...– Сдался тебе этот задрипанный герцог. И земли-то у него с гулькинос. И дочка-то у него толстушка необразованная! (Как Алекс угадал!) – Это бабка-королева, дочитав очередной фолиант, решила принять участие в судьбе внука.

– Он мой старинный товарищ, – насупившись, оправдывался король, стоя посреди библиотеки, королева же сидела в кресле, – ты прекрасно знаешь о том, что мы не раз вытаскивали друг друга из лап смерти!

– И потому ты решил засунуть в эти лапы единственного наследника!

– Да он сам едва не свёл меня в могилу своим сумасбродством. Если б ты видела, как он висел над ревущим океаном...

– Бедный Алекс! Отпусти ребёнка. Пусть едет.

– Но она ведьма! Ну, может, не она, а бабка...

– Пусть! Любовь всё покроет и исправит. Ах, если б я вышла за того, за кого меня прочили родители, то что бы было, а?

– Ну и что бы такое страшное было? – пожал плечами король.

– Я бы никогда не встретила тебя, и была бы глубоко несчастна! Эх, ты!.. В общем, не лишай мальчика шанса.

Дед немного подумал, что такое «шанса», похоже на «счастья», но решился возразить начитанной бабке:

– Я дал честное рыцарское слово, вот и всё.

– Любовь важнее честного слова! И потом, – вдруг влетела ей в голову мысль, – ты же его не нарушишь.

– Как это?! Я не понимаю.

...– Ах ты, худышечка моя, какая ты умная! – сказал он в конце разговора, обнимая супругу за тонкую талию.

...Дня через два, ночью, Алекс нашёл на конюшне запряжённую лошадь, меч, копьё и колчан со стрелами. В котомке золотые и серебряные монеты, еду, вино. Никто не сопровождал его, но никто и не чинил препятствий, он был как бы сам по себе.

– Я не смогу послать с тобой охрану, ведь я НЕ ЗНАЮ, что ты убежал из замка, я ведь ХВОРАЮ, – сказал накануне дед, весело подмигнув бабке. – Это опасно, без охраны, но по-другому не получается. И никто не остановит тебя на нашей земле, как беглеца. Эту работу мы с бабулей проделали.

На запястье Алекса был надет серебряный браслет с выбитым на нём ключом: вчера он был посвящён дедом в рыцари-ключеносцы.

– Когда ключ станет красным, то есть как бы наполнится кровью, а сам браслет почернеет, это будет означать, что я при смерти, или уже умер, и ты должен будешь вернуться немедленно, чтобы вступить во владение кевалимской землёю, а главное – Ключом Разума. Дай мне честное рыцарское слово, что исполнишь это. Я захвораю на два-три дня, дольше не могу, за это время ты должен ускакать как можно далее, ведь потом я пушу за тобой розыск и погоню.

Принц дал слово, и король лёг «хворать».

А Алекс, поцеловав в уста свою нагрудную Кэт, поскакал навстречу любви, или смерти, беспрепятственно выпущенный по как бы забытому и не поднятому на ночь мосту через ров. И только шут Квиллин махал ему вслед с высокой стены. А дед с бабкой просили за него Неведомого Единого Бога, Шкатулку с Именем которого всю молодость искал по городам и весям дед, и которому молился, вися над морем с детства наученный молитве внук. Может, благодаря этому он и скакал сейчас живой, а не кормил рыб на дне.

Глава вторая

Смешной король и принцесса Кэт

Поместье Смешного короля располагалось прямо посреди степи, на так называемой Солнечной равнине. У входа в ограду путника встречали три кривые, отживающие свой век ели со старой рыжей хвоей. Были и ещё кое-какие насаждения, но в основном везде царствовало солнце и выжженная им трава. Всё это находилось гораздо южнее кеволимских земель, и замок короля был более похож на большой дом под зелёной крышей, и вокруг под такими же крышами стояло несколько домиков местной знати. И пара бедных деревень прилегало к поместью. Самым высоким строением была каланча, с которой смотрели, где что горит и кто куда скачет. Не было ни высоких стен, ни грозной стражи, но почему-то враги обходили «смешные» владения стороной. Ходили слухи, что никто не может войти сюда с дурными намерениями, ибо так наколдовала когда-то покойная бабка принцессы, которую кто-то звал злой ведьмой, а кто-то доброй феей. Во всём этом была тайна, которая тоже, помимо принцессы, притягивала сюда множество молодых людей. Привлекал внимание и сам король. Последние годы, после смерти первой жены, он ходил в маске. (Теперь он был женат вторично, и даже имелась от нового брака годовалая – ах! ах! – опять дочка, а не наследник!) Но ходил он в маске. Дело в том, что лицо его было настолько смешным, что без маски он не мог отдать никакого приказа подданным, потому что при виде его лица они не могли до конца выслушать ни одного его повеления, сразу начинали смеяться, хохотать и даже ржать! Король был очень добрым, но однажды он до того рассердился на камердинера, который не мог без смеха его ни одеть, ни раздеть (король ходил тогда ещё без маски), что отдал приказ палачу отрубить ему голову. Но казнь не состоялась, потому что камердинер продолжал заливаться смехом и на плахе, а у палача от хохота топор в руках ходил ходуном и он никак не мог попасть по шее лежащего и трясущегося от смеха приговорённого. Впрочем, скорее всего это лишь легенда. И уж наверняка было выдумкой то, что когда Смешной король начинал говорить, у него изо рта сыпались конфетти, вылетали воздушные шарик и даже фейерверки. И все якобы сначала пугались, а потом начинали веселиться. Ну не бред ли?!

Приёмная зала была освещена достаточным количеством свечей, и это было хорошо, достойно; но к приезду женихов не всё успели подновить, и поэтому немного пахло краской, так что некоторые принцы морщили привередливые носы.

Объявили короля: «Эдвард Первый Свирепый», – так, оказывается, его звали. Алекс собрался изо всех сил, чтобы не рассмеяться и почувствовал, что и рядом как-то напряглись. В залу вошёл, или скорее вкатился толстячок – шарик в маленькой короне на очень круглой голове. Чёрные волосы из-под короны торчали стоймя, жёсткая борода изрядно посеребрилась. Лицо же... невозможно сказать, было ли оно смешным, потому что его закрывала серебряная маска, притом такого свирепого вида, что как-то не вязалась с кривенькими ножками и пухленькими ручками, и это несоответствие просто не могло не вызвать улыбки. И вся зала мило заулыбалась. Король заговорил. Голос был мягок и необыкновенно добродушен, и вселял какой-то покой, так что многим почудилось, что они не на чужбине, а в родном отчем доме. Король поблагодарил всех, кто откликнулся на его призыв, он не ожидал, что будет столько достойных молодых людей, он даже в некоторой растерянности, куда их расселять – и мило хохотнул.

– Но старость, старость, нужен наследник, а сына нет.

Он заранее приносит извинения, что не все удостоятся руки принцессы, а только один. Но, в сущности, принцесса ещё дитя – осенью исполнится пятнадцать лет, не исключено, что

она вообще никого не выберет – так он и за это просит его извинить. И он снова забавно, но нервно хохотнул. Видно было, что он волнуется.

– Сейчас я вас познакомлю с Кэт, а потом будет встречальный, – как он выразился, – ужин. После чего все отправятся спать, а завтра уж начнётся! – Он потёр руки. – За ужином объявят распорядок состязаний.

И тут вошла принцесса Кэт. Длинный шлейф её платья несла карлица шоколадного цвета. Платье принцессы было жёлтым, как стены залы. На голове жёлтый же двурогий чепец. «Фи! Жёлтое на жёлтом!», – поморщился какой-то эстет. Принцесса была несколько мрачновата. «Ничего особенного, такая же, как все, – понёсся отовсюду шёпоток, – и не чересчур ли она мрачна, может, она нам не рада?!» «И зачем я сюда приехал? – уныло думал Алекс. – Совсем ничего в ней нет, Квиллин сильно её приукрасил!» «И приданого почти никакого, поместье – смех, – произнёс ему в ухо толстяк немалого роста. – Интересно, чем будут кормить, и будут ли турниры, я уж и не знаю, заберусь ли на лошадь», – добавил он, слегка смутившись. «Ну совсем не похоже на рыцарские романы!» – загоревал какой-то худосочный юнец. Алекс и сам так думал. В углу стоял полуржавый остов из рыцарских доспехов – и всё!

Принцесса была неказиста: не красавица и не дурнушка, ОБЫКНОВЕННАЯ, к тому же на что-то сердита, или мрачна по жизни, что ещё хуже. Никто уже ничего от неё не ждал.

Как вдруг карлица, видимо, исполняющая роль шутихи, что-то ей сказала. И как же всё переменялось! Будто свечей в залу добавили, будто колокольчики кругом зазвенели – это принцесса сначала улыбнулась, а потом и рассмеялась. В одно мгновение всё встрепенулось, все глаза, уши, всё устремилось на Кэт. Вся её фигура мгновенно преобразилась, посветлела, лицо стало по-неземному прекрасным, все ахнули! Это длилось несколько мгновений, но этого было достаточно.

– Боже, как она хороша!

– Это она? Она? Та самая, что была мрачной и неинтересной?!

– Да, это она!!!

– Что это было такое? – вопрошали прозевавшие её преобразование.

Мило пытаясь подавить смех, принцесса сказала, что хоть и выполняет батюшкину волю, но и сама всем искренно рада, и с удовольствием отдаст руку и сердце достойному, если таковой, конечно, отыщется, в чём она немножечко сомневается! И плутовка улыбнулась вторично и все вторично впали в какую-то нездешнюю эйфорию. «Чары», – шепнул толстяк, как бы вдыхая какие-то немислимые ароматы. Алексу же казалось, что он сейчас брякнется в обморок. Юная принцессочка уже знала мощь своей улыбки и умела ей пользоваться!

Ужин был так себе, песенки степных менестрелей бесхитростны и не очень складны. К тому же Кэт на ужине не было, и все быстренько разбрелись на ночлег, дни предстояли волнительные, состязания нешуточные.

Следующий день был единственный, назначенный для тренировочных упражнений. Все вышли в степь, чтобы метать копьё, стрелять из лука и скакать на лошадях. Вдруг в ослепительно синем небе появилась непонятная точка. Сначала думали, что это коршун или гриф. Но точка росла и приближалась и вскоре увидели, что это механизм с крыльями и с сидящей на нём человеческой фигуркой. Перед самой землёй неподвижные крылья замахали, механизм приземлился на все четыре копыта и оказался живым чудищем оранжевого цвета с коротким туловищем, предлинной шеей, маленькой головкой с рожками и весь в коричневых пятнах. На туловище лежало седло, а в нём сидел молодой человек в ярко-зелёных чалме и халате, с небольшой каштановой бородкой и немного раскосыми, хитрыми, как у лисы, глазами.

– Восточный принц Чалтык, – сообщил он собравшимся медовым голосом без всякого акцента, легко соскочил на землю, блеснув лёгкими зелёными же сапожками и слегка поклонился, приложив руку к сердцу.

– Летающая жирафа, – указал он на чудовище, щёлкнул пальцами, и жирафа, затрепав крыльями, поднялась в синь и скрылась из глаз, а к принцу Чалтыку подошёл неведомо откуда взявшийся красавец-скакун вороного цвета, и они приняли участие в общих тренировках.

В поместье не хватало мест, чтобы разместить как должно принцев, герцогов и баронов, и их селили по двое и даже по трое. Чалтыка подселили к Алексу. Ночью случилась странность. Они лежали на диванах визави и переговаривались о прошедшем дне, как вдруг голос Чалтыка стал меняться, он как-то потускнел, слышались шепелявящие звуки. Алексу почудилось, что он разговаривает с кем-то другим, он хотел поднять голову и проверить, но голова не поднялась, хотел что-то спросить – язык не повернулся – и он заснул, а наутро ничего не вспомнил. И не видел, как ночью по комнате ходил сторбленный старикашка в чалтыковой чалме.

...И вот первый тур состязаний на право назваться мужем: состязания в силе, ловкости, смелости. Сумеет ли будущий муж защитить жену от врагов?

– Зачем королю самому защищать королеву от врагов? – недоумевал неповоротливый толстяк обжора Гога с писклявым голосом. – Были б денежки – и будет много вассалов, рыцарей, и прочее. Они и защитят! Лучше б кормили посытнее!

Алексу, несмотря на любовь к чтению, ловкости было не занимать. Силёнки было не так чтобы очень, он был «реброносен», как говорила бабушка, то есть чрезмерно худощав, и в метании копья уступил многим, в том числе и толстяку. Также в стрельбе из лука, из-за близорукости, он не был лучшим. В конных же скачках, в которых надо было обойти всех, и, прыгнув через препятствие, взять из рук стоящей на балконе принцессы платок, он победил! И она улыбнулась ему. И он ощутил, что улыбка, как приятная заноза, вошла в его сердце и растворилась в нём, и он стал уже не просто Алекс, а Алекс плюс Кэт, и это навсегда! Навсегда! «Я поехал сюда всё-таки из упрямства, – думал он, – и только теперь полюбил по-настоящему!»

На состязании произошло неожиданное. Захворавший с утра принц Чалтык вдруг выздоровел и явился на скачки... на чём бы вы думали? Не на красавце-скакуне, и даже не на жирафе, а верхом на большой-пребольшой курице, которую он называл страусом. И зря он так её во всеуслышание назвал, потому что нашёлся знающий барончик, который заявил, что страусы бегают быстрее лошадей, и значит, это будет нечестно. Вот противный доносчик! Так это, или нет, но Смешной король предложил Чалтыку пересечь на коня, или... отказаться от претензий на Кэт. Чалтык, сверкнув хитренькими глазками, медовым голосом извинился перед всеми, и сказал, что хотел немножечко потешить всех: и досточтимого короля, и прекрасную принцессу, и что вообще он немного болен, а впрочем, готов на чём угодно, и прочее. Щёлкнул пальцами, и страус убежал с быстротой молнии и исчез где-то в степи. И тут же перед ним появился его вороной жеребец, но Чалтык продолжал всех веселить, потому что никак не мог на него забраться, извиняясь беспрестанно, что болен и так далее. Наконец его запихнули в седло, и он свалился в ближайшую канаву при самом начале состязаний, так что пришлось всё приостановить. Кто-то хохотал и издевался, но принцесса это пресекла и осудила. «Бедненький», – сказала она, и собственными ручками положила примочку на незначительную ссадину. (Примочку, кстати, сделала из платочка, который добыл на скаку Алекс и держал в это время в руке. Кэт платочек не попросила, а просто забрала, даже не заметив, у кого, так была напугана падением Чалтыка. Надо ли говорить, как огорчился Алекс!) А Чалтык потом куда-то исчез, так что никто и не видел, как и когда это произошло. (Исчез навсегда и платочек!) Всё это было странно, потому что в день тренировок Чалтык показал себя отличным наездником, может, теперь действительно был болен. Но некоторые желали бы оказаться на его месте, видя, как нежна была к нему принцесса и как касалась пальчиками его лба. А Чалтык так и пропал, ночевать к Алексу не приходил, и в следующем туре не участвовал.

Вообще после первого тура отсеялись больные, хромые, косые и староватые. Например, одному барону было аж сорок лет, и хоть он был очень богат и золотом, и землёю – принцесса решительно указала ему на дверь, и король не воспрепятствовал, так как очень любил дочь.

– Но поверьте моему опыту, судари, – сказал тот, уезжая, – как вы тут ни напрягайтесь, эту глупую принцессу всё равно выдадут за богатого и старого, гораздо старше, чем я! – И в чём-то, как показало ближайшее будущее, он почти оказался прав.

На втором туре были состязания по уму. На первое место выходил толстяк Гога, отгадавший все загадки принцессы, оставалась последняя. И Кэт испугалась. Она посмотрела ещё раз внимательно на эту жирную тушу, легко решившую своей маленькой головешкой все её головоломки, и сказала, что последняя загадка отменяется, и что отменяется и сам тур, потому что ей не нужен умный муж. А если королю нужен советник, то она здесь ни при чём – и ушла. Кто-то попытался возмутиться, стали спорить, Гога впал в уныние, как вдруг вошёл король и передал слова принцессы, что если кому у них не нравится – скатертью дорога! И король развёл руками, мол, что поделаешь, дитя. После этого несколько человек, не надеявшихся победить, будто бы обиделись и уехали домой. Гога же подавил обиду и остался.

К основному конкурсу пришло всего семь человек: четыре принца, два барона и один герцог. Конкурс был объявлен и оказался несколько странным. Надо было подойти и через тонкую вуаль поцеловать принцессу... в губы. Всего-навсего! Что это за состязание? Кто тут проигравший? Кто победивший? Всё было неясно. Ещё было сказано, что это только полконкурса, а продолжение завтра рано утром. Хорошо, что странный конкурс начался сразу после объявления, а то за ночь ожиданий и дум кто-нибудь бы точно умер от разрыва сердца!

Всё происходило поздним вечером, перед самыми покоем Кэт! Зала была в полумраке, только два тусклых светильника в виде драконов освещали её. Принцесса вышла в простеньком розовом платье, на голове был спальный чепец, лицо скрывала тонкая розоватая вуаль. Никакого шлейфа, никакой торжественности, она была юна и беззащитна. Карлица, впрочем, стояла поодаль. И не просто так, а с небольшою дубиной, что немножко насторожило, но как увидите, не всех.

– Судари, – сказал вошедший король. – Вам предлагается просто, по-домашнему, подойти и поцеловать мою дочь. Кому-то может это показаться странным, а может, даже неприличным, но она дитя, и это её воля, и так далее. А я, судари, удаляюсь, я на это смотреть не могу.

– Ваше величество, а кто победит-то? – не удержались задать вопрос.

– Пусть победит сильнейший, – махнул рукой король и укатился в покои Кэт. И издал при этом неясный звук: то ли хохотнул, то ли всхлипнул. Не исключено, что дальнейшее он наблюдал из-за занавески.

Женихи покорно, друг за другом, подходили к принцессе, прикасались через вуаль губами к её губам и отходили в некотором столбняке, как будто в них влили небольшую дозу яда. Были и крайности. Худосочный барон упал в обморок, не дойдя до Кэт одного шага, и его оттащили. А жердяй Гога так вцепился в её плечи, видно, решив никогда больше не отцепляться, что Кэт вскрикнула, а Гога получил от карлицы дубинкой по голове – рабыня была сильна, удар соответственный, и Гога тоже отвалился нецелованным.

– Этих двух точно отчислят, – шепнул стоящий за Алексом.

Алекс подошёл на ватных ногах, он почти ничего не чувствовал и ничего не видел, он ещё никогда не целовался с девушкой. Подойдя вплотную, он вобрал в себя какой-то прекрасный и нежный аромат нездешнего цветка, и забыл, что должен сделать. Он глянул на карлицу. Негритянка смешно почмокала толстыми губами. Глаза её смеялись. Алекс, так как был несколько длинноват, немножко пригнулся и сделал такое же нелепое движение губами, едва коснувшись вуали и почувствовал, что ему слабо ответили, и почти побежал обратно на дрожавших ногах, будто спасаясь от опасности. Далее был какой-то туман, вышел король и что-то говорил, но что-то неприятное терзало Алекса. И только какое-то время спустя он понял, что его терзало: глаза у стоящей под вуалью были зелёные, а у Кэт – это он запомнил навсегда, когда она нежничала над Чалтыком – были карие, один посветлее, а другой чуть потемнее...

Глава третья

Похищение

Худосочного и толстого, которые не поцеловали принцессу, попросили выйти из залы и утром отправляться по своим замкам. Жениховствующих осталось пятеро. Король объявил, что условия последнего испытания таковы, что они не расходятся по своим норкам на ночь, а ждут здесь раннего утра, когда всё и решится.

Принесли вино и фрукты. И потекла ночь мучений. Женихи были, как одуревшие. Все тихо сходили с ума, буйно сходить боялись, вспоминая изгнанного Гогу. И понятно было, для чего их оставили здесь: чтоб не утопились в ближайшем пруду, или не натворили чего похлеще. А почему они находились в таком состоянии? Кто-то вспомнил легенду о заклании бабки-ведьмы, или феи, кому что ближе – оказывается, поцелуй Кэт обладал сокрушительной привораживающей силой: кто коснулся её губ, забывал обо всём, кроме Кэт, и – или добивался её любви, или умирал от горя.

Посреди ночи все готовы были штурмовать спальню принцессы и у дверей были выставлены стражники с острыми алебардами. Но это ли препятствие для сумасшедших с горящими глазами, желающих немедленно завладеть Кэт, и голыми руками сокрушить и стражу и соперников! Но тут в очередной раз вкатился Эдвард в свирепой маске, и объявил, что будущий король не может, забросив государственные дела, по первому мановению мизинца жены кидаться за нею в спальню, а потому обладателем принцессы и в будущем трона станет тот, кто, несмотря на жгучее желание, НЕ войдёт в её покои, даже если увидит её полураздетой.

И как будто всех ледяной водой окатил! А Алекс был особняком, он не чувствовал никакой зависимости от поцелуя, мало того, он был почти уверен, что под вуалью стояла совсем не Кэт. И этот обман был ему приятен: что хорошего жениться на такой, которую целовало ещё четверо! Но... у него тоже была зависимость, но только от улыбки, которой она ему улыбнулась, когда он на лету выхватил платок из её рук.

Так что, пока другие безумствовали и орали, он сидел с каким-то фруктом в руке, с открытым ртом и улыбался в ответ своему воображению: маленькой худышке Кэтрин с карими глазами, и на душе его было светло и тихо. И удивительно, что все эти страстимордасы так быстро потом забудут несчастную принцессу, а он всю, всю свою жизнь будет её искать! Впрочем, его тихое состояние не означало, что ему будет легко НЕ войти в двери спальни, когда в глубине будет стоять она, НАСТОЯЩАЯ ОНА, и улыбаться!

И этот миг настал, едва стало подниматься солнце. Занавески на окнах раздёрнулись, широкие двери спальни распахнулись, розоватый свет наполнил залу и покои Кэт. Внутри, в струящихся лучах, стояла одетая в голубое и полупрозрачное принцесса в золотой короне, и так соблазнительно-невинно ждала...

Четыре жениха (кроме Алекса), отталкивая друг друга с криками: «Я не войду! Нет, это я не войду! Я-то уж точно не войду! А я не войду, хоть режьте!», – кинулись к принцессе. И – влипли! В прямом смысле слова. Пол у дверей был намазан каким-то клеем. Женишки приклеились своими длинноносими средневековыми туфлями, и стояли, извиваясь, король и стража заливались от смеха, к ним присоединилась подошедшая Кэт. И было немножечко жутко, потому что вместо смеющегося лица короля – не забывайте! – сотрясалась от хохота свирепая маска.

– Вы один не тронулись с места, – кричал король, тыча пальцем в сторону Алекса, – вы победили! Моя дорогая Кэт – ваша. И – ой, не могу! – трон тоже. В будущем, конечно. А хотите, будем вместе править, а? – И уже Кэтрин улыбнулась и подала Алексу руку! И Кэт была настоящей, кареглазой, и он эту руку уже поцеловал...

КАК ВДРУГ послышался трубный глас и заиграла чарующая восточная музыка. Широкое окно само собой распахнулось, и в залу со двора вполз толстый серый отросток и стал извиваться и танцевать. Это был хобот огромного зверя с маленькими красными глазками и хлопающими большими ушами и с шатром на спине. В шатре жёлтого шёлка кто-то сидел. Кэт завизжала от восторга, захлопала в ладоши и подскочила к хоботу. Никто не успел опомниться, как она уселась на вытянутый нос заморского животного.

Хобот обвился вокруг принцессы, и, визжащую уже от страха, унёс в жёлтый шатёр, в руки человека в жёлтом же халате. «Встретил в жёлтом и провожаю в жёлтом», – засела в голову Алекса глупая мысль. Человек высунул из шатра улыбающуюся голову с хитрыми лисьими глазками и весело всем подмигнул.

– Чалтык! – крикнул кто-то из прилипших. Принцы и бароны принялись выдираться из клея и из туфель. Лишь один неприлипший герцог Алекс стоял, как прилипший, почему-то не двигаясь с места. «А счастье было так возможно», – пропело в его мозгу. Животное (слон) набрало хоботом воды из дождевой бочки и окатило бросившихся к окну женишков и короля. Стража из залы и с улицы тыкала в слона алебардами, он обвинил одного рыцаря за туловище, и, немного придушив, отбросил далеко в сторону. Потом медленно развернулся, поднял вверх хобот, и, трубя победу, пошёл к воротам.

Все, кто находился во дворе, бросились врассыпную, хорошо ещё, что никто не попал под толстые столбы его ног. Ворота успели затворить, и слон выбил их бивнями. Пройдя мимо кривых рыжих ёлок, он вдруг... исчез. Пропал вместе с Чалтыком, а главное, с принцессой Кэт! Но вместо слона возле ёлок появился мощный дуб в четыре объёма, и на суку его повисла маленькая золотая корона принцессы Кэт... Хотя понятно было, что слон никуда не мог деться в голой степи на глазах у многих, однако слуги короля, и женихи, конечно, включая и не успевших убраться восвояси хуяка и жирняка, вскочили на коней и рассыпались по округе в поисках следов пропавшего животного.

Алекс один остался у дуба, он снял с ветки принцессину корону, гладил её, подносил к близоруким глазам, к губам, вдыхал неземной аромат и вспоминал отчего-то, будто сквозь сон видел, как восточный красавец превратился в сморщенного старикашку. Подкатился король, поинтересовался, почему будущий почти муж один не ищет свою почти жену и не хочет ли он за такое нечувствие получить топориком по шейке.

Король, естественно, был тоже не в себе, как, впрочем, и «почти муж». Алекс не придавал значения тому, что сказал Эдвард Свирепый, поделился с ним догадкой, что Чалтык – колдун, и что и слон, и Кэт, и сам Чалтык здесь, в этом дубе. Король, как человек бывалый, и сам зять ведьмы, отнёсся к этому серьёзно, стал пробовать дуб на зуб, нюхать жёлуди и шлёпать по коре руками, и сказал, что это точно дерево, а корона могла и зацепиться, когда слон пробежал мимо.

Тут прискакал поисковый отряд безо всяких результатов, опять заговорили про дуб, что его тут сроду не было, и откуда ж он взялся, и король велел принести пилу. Двое здоровенных рыцарей взяли за двуручную огромную пилу с деревянными зубьями и едва проехали туда-сюда, как король закричал:

– Прекратите! Вы режете мою дочь, я слышал, как она вскрикнула от боли! – он зарыдал, старый мужественный рыцарь, и, выхватив из рук Алекса корону, побежал в дом на смешных кривых ножках, но это было совсем не смешно.

До вечера никто из женихов домой не уехал. Они дежурили у дуба, вместе со специальной стражей и с просто любопытствующими. Вечером король собрал их в зале и просил его простить за то, «не знаю, за что – за то, что дочку проворонил», голос его изменился, может быть, он рыдал, но свирепая маска это тщательно скрывала.

– Все свободны, ищите жён в других землях... – и он покатился на выход.

– Ваше величество, – вдруг остановил его толстый Гога. – Куда ж нам ехать на ночь глядя, позвольте остаться до утра.

– А, да-да, конечно, я не подумал...

– Но мы не просто так останемся, – продолжил Гога. – Мы продежурим у дуба всю ночь, а если надо, и не одну. Ведь если был слон, а дуба не было, а потом появился дуб, но исчез слон, то любому дураку ясно, что произошло. Но – рано, или чуть попозже – дуб опять превратится в слона, не крал же колдун Чалтык прекрасную Кэт только для того, чтоб до конца времён простоять с ней дубом, это ж каким... дубом надо быть! – кто-то нервно хихикнул, нет, не случайно жердяй Гога чуть не выиграл тур по уму.

– Правильно! – согласился король, – будем сторожить. Да что там, я сам проведу у дерева всю ночь, глаз не сомкну. – И стал трясти Гоге руку. – Спасите мне дочь, дорогой барон, и я клянусь: она будет ваша и вы станете королём! Также и к другим относится! – строго и громко добавил он. Он был немного не в своей тарелке, он так любил Кэт!

Чтоб не тянуть кота за хвост и закончить главу, скажу, что ночью действительно с дубом кое-что приключилось. Просто при всём честном народе, а народу было много – но почти все подрёмывали, включая и папу-короля, – видно, колдун специально навёл сон; так, вот ближе к утру дерево стало шататься, потом выдралось из земли, взмыло в воздух, и, осыпая степной чернозём с корней, спокойно полетело в сторону розовеющих облаков, навстречу восходящему солнцу, то есть прямо на восток!

Глава четвёртая

В замке «Восточного принца»

Восточный принц Чалтык на самом деле жил на юге, в стране Шалям-валям-хэм, и был не принцем, а очень древним, злым и могущественным колдуном. Облик, в котором он предстал пред всеми в поместье Смешного короля, был не главным его обликом. На самом деле это был сгорбленный раскосый старикашка с большой плешью и жидкой ржавой бородёнкой.

Когда он превратил слона в дерево, они с Кэт повисли над ним в виде двух неподвижных облачков: одно было светлое, другое потемнее, так что один наблюдательный рыцарь обратил внимание другого, что дует ветерок, а летунки – так он называл облака – почему-то стоят на месте, будто привязанные к дубу, и притом из тёмного почему то не капает дождик. Вот какие бывают наблюдательные простые люди – барон Гога со своим хвалёным умом отдыхает!

Уже забрезжил рассвет, когда произошло небольшое землетрясение: это дуб затрясся, выдирая корни из земли. Стража, женихи и вскочивший с постеленного на земле ложа король пытались вцепиться в пляшущее дерево. Причём у короля со сна покривилась маска и на время приоткрыла его настоящее лицо. Хорошо, что ещё было темновато, однако стоявший рядом рыцарь увидел, но вместо того, чтоб расхохотаться, потерял дар речи и замолчал навсегда!

А дуб отделился от земли, стряхивая орущих от страха смешкоролевцев и женихов, и прихватив застрявшие в ветвях облачко и тучку, бесшумно и быстро полетел в сторону юга, а не востока, как говорили не запомнившие в панике, куда он полетел, но находящиеся в предубеждении, что раз Чалтык принц восточный, то дуб и должен лететь на восток.

Над южными горами дуб приостановился, повернулся корнями вниз и стал медленно погружаться в белую молочную пелену, вместе с облачками, разумеется. Если б то облако, в которое превратилась бедная принцесса, могло видеть и кричать, оно закричало бы, увидев за пеленой страшную бездонную пропасть. Замок Чалтыка висел посередке неё, в воздухе, ни на что не опираясь и ни за что не держась. Неудивительно, что никто никогда не видел его, поскольку альпинистов и пропастелазов в те давние времена ещё не было.

...И вот в этом-то висящем посередке пропасти замке прожила наша Кэтрин три долгих года! И все эти годы надеялся сгорбленный старикашка, что полюбит она его и станет ему женой! Сто молодых девушек жило в его замке – он их всех создал из воздуха и в любую минуту мог опять растворить в нём. Они были воздушны и прекрасны, но совершенно ему не нужны, а нужна ему была только Кэт. А она смотрела на девушек, и недоумевала, почему Чалтык хочет жениться именно на ней, ведь она по сравнению с этими красотками просто неуклюжее дитя! «По горячий любви!» – уверял её колдун, всегда, впрочем, появляясь перед ней исключительно в облике принца Чалтыка, то есть молодым и симпатичным, чтоб «не пугать деточку». «Но когда любят, разве томят в плену, хотя и в плену со всеми удобствами?» – недоумевала юная принцесса.

И вдруг всё объяснилось. Дело в том, что однажды ночью к Кэт явилась её покойная бабушка, которую все называли ведьмой, а Кэт считала феей, ну и я её так буду называть. Это произошло в роскошных покоях, отведённых Чалтыком для принцессы. Ночью у её дверей, как всегда, подсматривал в скрытую щель и подслушивал его слуга – двойник Тылчек. И вот Тылчек послал из своей головы в голову Чалтыка сигнал – они часто так общались, ведь телефонов тогда не было даже у могущественных колдунов. И Чалтык мгновенно материализовался из воздуха, забросив все дела и со стороны совершенно было не отличить, кто из них кто: братья-близнецы, восточные молодые принцы, и всё тут!

– Чал, – сказал Тылчек, он так называл Чалтыка, а тот его называл Тыч. – Чал, – сказал Тылчек, – смотри, у неё кто-то есть. – И Тылчек приставил к потайной щели чудесное увели-

чительное стекло, благодаря ему было не только лучше видно, но и лучше слышно. Сам Тылчек повернулся к стеклу затылком. Чалтык не любил, когда при нём кто-то другой любовался на полуодетую принцессу. Без него, пожалуйста, тут уж он ничего поделывать не мог. Но на самом деле Тылчек всё видел, поскольку приделал себе к затылку третий глаз, чтоб отличаться от Чалтыка: отчасти по гордости, отчасти, чтоб не перепутать самого себя с двойником Хозяином.

И вот что увидели два принца, (а на самом деле два противных старикашки). В спальне появилась одетая в голубое платье с длинным шлейфом фигура. За шлейф держался ангелочек небольшого роста с крылышками. Фигура откинула с лица вуаль, и Чалтык увидел, что это пожилых лет весьма красивая и похожая на Кэт женщина. Её лицо, вся фигура и ангелочек были озарены нездешним светом, струящимся у них изнутри.

– Бабушка, это ты? – воскликнула подбегая к ней Кэт. – Как давно ты не приходила! А я, видишь, ещё в тюрьме, – она развела руками и всхлипнула.

Бабушка погладила её по голове, она была немного повыше ростом.

– Ты должна выдержать все испытания, а это только начало, – сказала она. – Помнишь, когда ты попала сюда, в день твоего пятнадцатилетия, три года назад, я умоляла тебя не поддаваться колдовским чарам, не соглашаться выходить замуж за Чалтыка. Я знаю, что он покупал тебя всеми богатствами и наслаждениями этого тленного мира, и ты молодец, что не соблазнилась. А теперь, когда я уйду, испытания будут посерьёзней, приготовься вынести и боль и может, кое-что пострашнее боли. И помни. Чалтык, женившись на тебе, может получить Ключ к тайне мироздания, и тогда всему конец. Держись. Чего бы это тебе не стоило. И знай, человек, назначенный Небом тебе в мужья, уже три года тебя ищет, и ваша встреча не за горами. Но это не будет концом твоих страданий...

– Бабушка, мне страшно...

– Я могла бы тебе помочь, но дело в том, что ты должна пройти все испытания самостоятельно. И это не сказка, не сон, это сама жизнь, и многое, очень многое зависит от тебя. Ты должна всё преодолеть, и не погибнуть, а победить. А я буду молиться Тому Единому Богу, в руках которого всё. А сейчас я чувствую, мы не одни, – она резко махнула рукой в сторону двери: раздался треск огня и крики. Чалтык и Тылчек с опалёнными лицом и затылком отпрянули от двери.

– Прощай! – бабушка крепко прижала к себе Кэт, поцеловала её в голову и исчезла.

Около месяца не посещал колдун Кэт, раны залечивал. И всё равно волдыри на лице остались, а у Тылчека глаз на затылке выжгло.

Пришёл Чалтык к Кэт только через месяц, соткался внезапно из воздуха, в руках толстая книга.

– Последний раз спрашиваю, – говорит, – пойдёшь за меня?

– Устала отвечать, – ответила Кэт

– Так отдохнёшь! – взревел Чалтык. – Самый последний раз спрашиваю: пойдёшь...

– Нет! – заорала в свою очередь Кэт прямо ему в ухо так громко, что колдун от неожиданности превратился в самого себя, то есть в сгорбленного злобного старикашку.

Кэт ахнула. Ведь все три года он прикидывался молодым!

– Всё, – шамкнул старикашка, – терпенье моё лопнуло! – он раскрыл книгу и стал выкрикивать какие-то непонятные слова, приставляя к каждому букву «Ч». И случилось страшное. Нос у Кэт провалился, и две чёрные дыры вместо ноздрей заменили его, подбородок вытянулся, стал тонким и плоским, и скособочился на сторону, уши стали... нет, не большими, а огромными, как у слона, к тому же на спине вырос горб. Ужас! И только глаза остались карими, один посветлее, другой потемнее. Да оспинка на лбу осталась, прикрытая редкой чёлкой, а на остальной голове волосы выпали, и образовалась плешь. Кошмар! Чалтык аж на постель присел: ноги ослабели. Сам такого эффекта не ожидал!

– Ну вот, – сказал он печально, – не хотела замуж – получай... – и махнул рукой с длинными грязными когтями в сторону зеркала.

Кстати о руках. Руки у Кэт стали длинными, как у орангутанга, а ножки жирными, короткими и кривыми. И животик вырос. И как описать, когда она увидела всё это в зеркале? Наверное, напугалась и не поверила, что это она!

А Чалтык опять выискивал что-то в книге заклинаний.

– Вот! Нашёл! – заорал он. – Ты будешь в этом облике до тех пор, пока кто-то искренно не полюбит тебя и не поцелует. Повторяю: не просто поцелует, а по большой любви. Но поцеловать такую уродину по любви, я не знаю... – старикан как-то неестественно захохотал и закашлялся. – Самое интересное, что ты не сможешь рассказать правду о себе, тебя сразу скрутит, ты забьёшься в припадке, а изо рта пойдёт пена. Так что тебя надо полюбить именно в этом облике. Любопытно посмотреть на такого дурака!

Чалтык подождал, не запросит ли Кэт о пощаде, но она стояла в каком-то столбняке и вряд ли осознавала то, о чём он говорит.

– Но я очень добр, – продолжил злодей, – и дарю тебе шанс. – Он надел ей на мизинец маленькое золотое колечко. – Захочешь стать моей женой, потри его – мигом очутишься здесь, а я приму тебя в любом облике и даже стану тем дураком, который сможет тебя поцеловать, – он ещё раз неестественно хохотнул, будто сквозь рыдания. – Жалею, что так получилось, – утёр он слезящийся красный глаз. – И ещё запомни: заявишься ПРОСТО ТАК, уничтожу навсегда! Прощай. А лучше – до свидания, ведьма! – Он кинул ей невесть откуда взявшуюся метлу, закричав какую-то тарабарщину, но тут в углу появилась женщина в голубом платье, она перекрестила подлетевшую к Кэт метлу и та погналась за визжащим колдуном, наявивая его то по голове, то по спине, то по задку, и долго гоняла по всему замку, пока он не вспомнил какое-то заклинание и не рухнул обессиленный. А Кэт от взмаха бабкиной руки завертелась волчком и незаметно растворилась в воздухе...

Глава пятая

На поиски улетевшего дуба. Бург

Как только дуб полетел, Алекс припустил за ним бегом по степи, но, стукнув себя по лбу, воротился, вскочил на своего рыжего Кеволима, ещё с вечера осёдланного и привязанного к рыжей же ёлке, и помчал правее восходящего солнца, куда заворачивало стремительно исчезающее с глаз долой дерево. Ни один из женихов не последовал его примеру. Не в том смысле, что они вообще не поскакали, нет, они все, как один, стеганули коней, якобы поспешая спасти принцессу, но через какое-то время остановились, жердяй Гога произнёс небольшую прощальную речь, типа: «Нужна ли кому-нибудь из вас жена, летающая по небу в виде бревна?» Все хором ответили: «Не нужна!» и отправились каждый в свою сторону, по домам.

Нет, с вечера они горели сердцами и были готовы на любые опасные приключения, но ночью у костра, пока король почивал в сторонке, кем-то было произнесено и доказано, что их жестоко надули, и под вуалью была не Кэт, а даже и не очень похожая, даже и не с карими, а с зелёными глазами, но только одного с ней роста служанка, чуть не посудомойка – какой позор принцам и баронам целовать такое! А король-то хорош, будить его, пусть ответит! Но тут умный Гога посоветовал проявить человеколюбие: «королю и так не сладко, да и потом, положи руку на сердце, хотел бы кто-нибудь, чтоб его будущая жена целовалась со всеми подряд? Чего ж права качать? Надо просто потихоньку улизнуть по домам, вот и всё. Ведь загляните в себя, ведь вся зависимость и страсть, не чары ли это? Нужна ли кому-то на самом деле жена, способная стоять в степи в виде дуба? Нужна ли встреча с опасным, может быть, колдуном? Хочет ли кто-нибудь превратиться, скажем, в осину, или псину? А потому, не тревожа короля, поехали-ка от греха по домам, а? Тем паче надо признаться, кормят тут так себе!»

Все поддержали мудрого обжору, но Алекс почти не слушал, он и так знал, что целовал не Кэт, но её улыбка к утру заполонила его всего, он был в нетерпении, и когда дуб взлетел, (женихи не успели улизнуть до того), он ни о чём не раздумывал: по небу летел не дуб, летела его большая любовь! (И, добавим, возможно, исковерканная, поломанная судьба!) Больше никогда в жизни он бывших соперников не встречал.

Проскакав несколько дней в сторону юга, Алекс подумал, что всё-таки, может быть, не случайно Чалтык величал себя восточным принцем, ведь дуб мог полететь к югу, чтоб всех обмануть, а потом взять и повернуть на восток. И Алекс развернул коня и поскакал в сторону, противоположную садящемуся солнцу. И ещё через несколько дней въехал из лета прямо в осень. (Я уже говорил, что в Средневековье разнообразные климатические пояса).

Конь устал, и Алекс устал, и они поехали шагом по сказочно красивому осеннему лесу, как бы в раздумье. «Сегодня Кэт – пятнадцать лет!», – начали вдруг слагаться первые в жизни стихи. (Не в голове коня, конечно, а в сердце принца!). Да, он вспомнил, что осенью Кэт исполняется пятнадцать, и они могли бы стать мужем и женой. Под копытами Кеволима шуршали, и на него и на Алекса, тихо кружась, опускались золотые-багряные-жёлтые-красные листья. Солнце садилось со спины: за могучими стволами дубов и клёнов опускался раскалённый его шар. Всадник начал задрёмывать, вдруг по горлу будто резанули длинным ножом, дыхание пресеклось, Алекс свалился с коня и, больно ударившись головой о корни, потерял сознание.

...Очнулся он оттого, что по носу его ударила холодная капля, он заморгал и следующая капля свалилась прямо в пересохшие губы. Одновременно он осознал, что обоняет душистый запах сена. Открыл глаза, и прямо в зрачок упала ещё капля. Это были остатки дождя, просачивающегося в сарайчик сквозь худую крышу. Рядом с ним сидела очень крупная женщина и поила его вкусным молоком и прикладывала какие-то примочки. «Будто Кэт Чалтыку», – пришла в голову мысль и сердце чуть не разорвалось от тоски: как она, где, жива ли? Женщина

поглаживала грубой рукой пробившуюся бородку Алекса, удивляясь её цыплячьей нежности, как вдруг во входную дыру, заменяющую дверь, просунулась приплюснутая голова, напоминающая большой молот со свирепым выражением на лице. И прогнула в нос два слова:

– Жина-а! Жи-ив? – и сплюнув в сторону, добавила: – Смотри, если сбежит! – и страшилище исчезло.

– Муж Бург, – буркнула женщина. И присовокупила, как можно нежнее. – А я, цыплёночек, Марго. – Цыплёнком, понятно, был Алекс.

Алексу накинута на шею лассо разбойник из шайки Бурга – атамана, женой которого была огромная, под два метра ростом, и широкая костью красавица Марго. Бург и сам был огромен, а голова приплюснутая, молотообразная: лоб и затылок выдаются, «хоть орехи коли» – как шутят его товарищи по разбою. Днём все они считаются крестьянами, живут на отшибе в одной деревне, почти все имеют хозяйство, сами, понятно, не работают, батраков нанимают; платят подати своему господину-феодалу, который старается не навещать в деревню, которую в округе называют «разбойной» и стараются обходить стороной. Бург обобрал ударившегося о корень Алекса, у которого, как мы помним, были в суме золотые монеты, хотел прикончить, но по одежке и гербу на груди, кое-что сообразив, велел нести к себе на лечение и приставил к нему Марго.

– Ты так печёшься о нём, будто он какой барон! – сказала Марго.

– Может и барон, а скорее всего, герцог, или даже принц! – отвечал Бург, сам будучи не силен в геральдике. – Получим за него богатый выкуп, а нет, так на юг в рабство продадим. Выходи его. – И он ушёл.

– Ишь ты, принц-дрыг! – удивилась Марго и осторожно подёрнула лежащего в беспомощности Алекса за появившиеся после отъезда из дома первые усики.

...Весь конец осени и зиму проболел Алекс, так его уделали разбойники, а когда поправился, хозяин решил, что нечего ему бока пролеживать, надо пользу приносить.

– Пусть и принцы-шмынцы работают, – поддержала мужа Марго, сердитая на Алекса за то, что он не отвечал на её нежности. Но ведь он был рыцарь – не забывайте о серебряном обруче на руке, который был, несомненно, волшебным, потому что Бург не сумел его снять, как ни старался. Так вот, Алекс был рыцарь, а значит, мог любить только Даму своего сердца, одну её, и причём всю жизнь!

– Так что, пока то да сё, паси-ка ты моих овец, принц Алекс. – И Бург ему подмигнул. Алекс вздрогнул, ведь он представился как бродячий гистрион, а костюм – «да я его... стибрил», – откуда же разбойник узнал, кто он и что означало «пока то, да сё»?

А дело вот в чём: когда Алекс был одной ногой в могиле, ещё зимой, молодцы Бурга спешили в лесу одного конника, и тут Бургу несказанно повезло. Это был тот самый глашатай, который разглашал о состязаниях на соискание руки принцессы Кэт. Сейчас Смешной король послал его оповещать о награде за хотя бы известие о ней, и за голову колдуна Чалтыка. Бург показал глашатаю спящего Алекса и тот всё ему открыл. Тогда Бург щедро его одарил и попросил скакать в Кевалим, и договориться о том, чтоб сюда за Алексом выслали человека с богатым выкупом.

А весной заставил принца пасти овец в загоне у леса, а тот, чтоб поддержать репутацию гистриона, показывал крестьянам-разбойникам нехитрые фокусы, которым обучил его Квиллин, а также передразнивал голоса и походки людей и животных, и все так и стали звать его Гистрионом. Но представления случались редко, а в основном он сидел на огороженном жердями лужку, привязанный за ногу на длинную верёвку. Другой конец был намотан на ногу Бурга, отдыхающего на сеновале после ночного разбоя. Это утром и днём. Вечером и на ночь Алекса запирали в сарай.

Однажды Алекс было убежал, его поймали и побили, но не сильно, поскольку успели полюбить за «кривлянье и дуракавалянье». Разбойники обожали празднично проводить время!

Бург же, больно тыча толстым волосатым пальцем в его тощую грудь, произнёс:

– Ты – принц. Скоро мне за тебя привезут хорошую денежку. Если же ты сбежишь, я не получу ничего. А потому, если ещё раз побежишь, я тебя убью. Получу я за труп гораздо меньше, чем за живого, но лучше я продешевлю, чем буду сутками беспокоиться, здесь ты, или наострил лыжи. Убью!!! Намёк понял?!

Алекс «намёк» понял и решил, что дожждётся посланцев из Кеволима и сбежит по дороге домой. Хотел ли он или нет в родной замок, вопрос так не стоял, он НЕ МОГ туда вернуться один, без Кэт. Он уже ничего без неё не мог, да и не хотел.

Он совсем не жил без неё! Бург сорвал с него серебряный медальон с Кэт, но Алекс соврал, или, лучше сказать, сочинил, что это его бабушка-королева в юности, и старый король будет очень недоволен, если с портретом что-то случится, и может не дать выкупа. Тогда Бург, скрепя сердце, шваркнул медальон в Алекса:

– Подавись своей бабкой, щенок! – Вот так Алекс был то цыплёнком, то пёсиком.

А с портретом Кэт Алекс беседовал. И ему часто казалось, что нарисованная принцесса оживает. Она то мрачнела, то улыбалась, а иногда портрет шевелил губами, то есть разговаривал, но часто он плакал, да, да, под глазами Кэт становилось мокро!

А иногда – редко – Алекс вспоминал деда с бабкой, и вздыхал: не родные! И тогда думал об отце и матери, погибших во время большого крестьянского восстания. Они были убиты, вероятно, таким же сбродом, как шайка Бурга, и он совсем не помнил их и грустил: откуда он родом и кто он на самом деле? Ни дед, ни бабка никогда ему ничего не рассказывали, и это незнание своих корней иногда сильно мучило его.

Итак, принц и рыцарь пас овец и любимой овечкой была Берта. Он звал её Бе-бе. Она чем-то напоминала Кэт. Немудрено: ему почти в сёе чистое, кроткое, приятное, напоминало принцессу Кэт! Однажды, глядя Берту и нежно глядя на неё, его губы стали что-то бормотать, а потом напевать какой-то мотивчик – так он сочинил свою первую песенку. Это не считая двух строк придуманных по дороге, помните? Песенка получилась так себе, но искренняя, разбойники раздобыли лютню, и он играл (выучился у Квиллина) и пел:

Истаял я, как свечка,
Тоскуя по тебе.
Но у меня овечка
По имени Бе-бе.
В неволе жуткой сидя,
Себе не господин,
Придумал я: овечка
Похожа на Катрин.
(На милую принцессу
По имени Катрин!)
Держа её за хвостик
Я будто шлейф несущу.
Моя принцесса блеет,
А я её пасу!
И слёзы катят градом.
Нет! Всё же я один!
Овечка не заменит
Мне милую Катрин.
(Ну где же ты, принцесса?!
Жива ли ты, Катрин?!)

Это нехитрая песенка разбойникам нравилась, особенно «принцесса блеет». В конце все подпевали, а отвергнутая красавица Марго грозила ему кулаком и слеза катилась у неё по щеке. Может он пел так жалостно?

Его стали называть Менестрелем, то есть певцом, но это как-то не прижилось, и он и в дальнейшем, хотя и написал много песенок и совсем не корчил рож и не показывал фокусов, всё же не прозывался Менестрелем, то есть поэтом, музыкантом, а оставался Гистрионом, то есть клоуном, паяцем.

С сочинением первой песенки связано нечто забавное. Сочинив её, он впал в такой восторг, что побежал за ограду пропеть её проходившему дровосеку, верёвка на ноге натянулась и такова была сила его вдохновения, что привязанный за другой конец Бург свалился с сеновала, и, застряв поперёк в калитке, стал орать как зарезанный, думая что он уже в аду и какой-нибудь чёрт сдавил его здоровенные бока ещё более здоровенными клещами.

Дровосек, привлечённый криками обоих, помог Алексу водрузить Бурга на место, не силой, конечно, а уговорами, и тот, поскольку был пьяный, к счастью Алекса так и не понял, что произошло.

Вскоре после этого Бург переселил Алекса в одинокую хижину в лесу, рассудив, что вдруг за него не золото будут платить, а решат силой захватить, так пусть поищут. Хижину попеременно охраняли разбойники.

И тут случилось вот что.

Глава шестая

Метьер Колобриоль

Однажды Бурга принесли с обломком стрелы в пустой глазнице. Стрела сидела так прочно, что вытаскивая, её обломали. Глаз у разбойника вытек, а в хижине, где припрятали Алекса, поселился ещё один пленник. Это на него хотели накинуть лассо, но у него не было пока любимой девушки, о которой всё время надо мечтать, и человек спрыгнул под лошадь и оттуда пустил Бургу стрелу в правый распахнутый глаз, левый был прищурен. Человека схватили. Он был невысокого роста, с белокурыми волосами до плеч, иностранец, – вы, конечно, поняли, что это был Метьер Колобриоль, лучник из Деваки. Вот как раз, прямо дня за два до этого приключения, он победил в соревнованиях по стрельбе знаменитого Робина Гуда и возвращался домой. А от роду ему было всего лишь восемнадцать лет, то есть э т и события происходят за два года до событий, описанных в первой главе первой книги, когда он заменил в яме Раздватриса, помните?

Смертельно раненый Бург (стрела была отравлена) лежал не в деревенском доме, а в хижине – «врага пытать хочу!», – но пока впал в забытье и непонятно почему долго не умирал. То ли яд был слабый, то ли Бург нечеловечески вынослив. Метьера посадили в подпол, а в двух комнатках жили: в одной сидел на верёвке Алекс, в другой лежал и стонал Бург, за которым ухаживала Марго. Она требовала немедленно повесить убийцу, но разбойникам хотелось узнать, что это за стрелок такой меткий, да ещё родом из Деваки.

– Пусть сперва покажет своё искусство, повесить успеем, – сказал самый старый, который уже на дело не ходил и выстрела не видел, но осмотрел стрелу и его разобрало любопытство. Метьера вывели на полянку неподалёку от хижины. Собралась вся шайка, человек пятнадцать. Старик сел в вынесенное для него кресло.

– Кто ты, откуда, и зачем ранил Бурга? – неожиданно зычным голосом спросил старик.

– Смертельно ранил, – поправил тонкий голосок.

– Я Метьер Колобриоль, лучник из Деваки. Ранил вашего, как я понимаю, предводителя, защищая свою жизнь. Сожалею, что стрела оказалась смертельной. – Старик одобрительно крякнул и задал следующий вопрос:

– Как ты проник в Средневековье, ведь между нами нет сообщения?

– Но почему же? В Непроходимой стене, которая разделяет наши земли, есть небольшая дверь...

– Да, говорят, она такая узкая, а ваши правители такие жирные, что не могут пролезть в неё, и вынуждены всю жизнь сидеть у себя в деревне, потому-то и не хотят, чтоб другие увидели мир, – протараторил разбойник, по кличке Хохмач. Метьер поддержал общий смех.

– Наше правительство, в силу неизвестных мне причин, действительно не выезжало за границу Деваки, но дипломаты, некоторые менестрели, и жонглёры...

– А ты кто, дипломат-жонглёр? – перебил Хохмач.

– Я воин. Лучник. Был послан в Средневековье на состязания по стрельбе из лука. Возвращался домой, тут вы меня и сцапали.

– Ну, давай, показывай своё искусство, а то сейчас прибежит Марго и придётся тебя вздёрнуть, – сказал старик.

И Метьер стрелял. И стоя, и лёжа, и с открытыми глазами, и с завязанными, и даже в прыжке с дерева с кульбитом в воздухе! Стрелы были ужасные, самодельные – крестьянские, но он неизменно попадал в предложенную цель. Разбойники только восторженно цокали и похлопывали его по плечу. Вообще, видя такую лихость, они как-то разволновались, и принесли вина и закуску, а когда он сбил с завязанными глазами яблоко с головы охмелевшего-осмелевшего

Хохмача, стали и его поить вином, и наперегонки подставлять головы, чтоб он чего-нибудь с них сбил, и, как видно, совсем позабыли его вешать. Из хижин вышла рассвирепевшая Марго.

– Бург умирает, а вы развеселились! – прошипела она гневно. – А ну, вешайте его! Я хочу посмотреть, будет ли его труп стрелять так же метко!

– Подождём до захода солнца, Маргоша, пусть ещё постреляет, – ласково попросил еле державшийся на ногах разбойник, по кличке Лысый.

– Нет! Хочу, чтоб он сдох раньше моего славного муженька.

– Ладно, вешайте, где там верёвка? – вяло махнул рукою старик, хотя за полминуты до этого обнимал Метьера и признавался, что не знает стрелка лучше.

– Прости, брат, – сказал он, смачно отхлебнув из бутылки, когда разбойники связали Колобрию руки за спину и поставив на табурет, накинули на шею петлю. – Хотя и жалко лишать жизни лучшего стрелка на свете, а ничего, как видно, не поделаешь!

– Как лучшего стрелка? – возмутилась Марго. – А наш славный защитник всех бедняков, Робин Гуд?

– Да, да, – загудели все. – Как же мы забыли, а наш славный Робин Гуд?

– Я победил Робина Гуда, – тихо, скромно, но внятно, чтоб его слышали, сказал стоявший с петлей на шее Метьер.

– Что, что ты сказал?! – взвился Лысый.

– Сказал, что Робин Гуд признал, что я стреляю лучше.

– Ты ври, да знай меру! – сказал разбойник Лохматый.

– Стреляешь ты здорово, но против Робина ты сопля зелёная! – выпалил Малыш, жирный коротышка с выпученными глазами и тоненькими ножками рахитика и тоненьким же голоском. Разбойники захохотали.

– Пусть я сопля, – смиренно сказал Метьер, – но я видел Робина Гуда и победил его, а кто-нибудь из вас его видел?

Все заткнулись. Лишь рыжий таратор Хохмач громко выкрикнул:

– Я! – и когда все на него с изумлением уставились, добавил: – Не видел! – и захохотал, довольный. Но никто его не поддержал.

– Учум же видел, – сказал всё помнивший, но редко говоривший Молчун, и показал на старика. – Что же ты молчишь, Учум?

– Видел ли я Гуда, не видел ли, что хвастать. – Учум сидел в кресле, в руке у него был обломок стрелы, вытащенной из глаза Бурга. – Но стрела эта его, Робина. На ней три насечки ножом. Он так помечает свои стрелы. И мне любопытно было бы узнать, как эта стрела попала к нему, – он указал на Метьера.

– Очень просто: я был на состязаниях по стрельбе, и мой друг Робин Гуд – произнёс он, слегка надавив на слово «друг», – подарил мне колчан со своими стрелами. Половина была с ядом. Я не виноват, что вашему мужу досталась стрела из этой половины, – вежливо обратился он к Марго, – но я не нападаю, я оборонялся.

– А что ты врал, что ты Робина Гуда победил? – рявкнул Лысый.

– Я не врал, у меня даже победная грамота есть в сума. Только вот сама сума, не знаю, где, – улыбнулся Метьер сложности сказанного.

– Сума в хижине, как положено, ведь добычу ещё не делили, – сказала Марго. Привести казнь в исполнение ей мешала невозмутимость и храбрость маленького белокурого человечка, стоявшего в петле. Она любила храбрых и всё неординарное. – А ну, принеси, – нетерпеливо крикнула она Хохмачу. – Живо! И посмотри, как там Бург. А вы снимите пока с него верёвку, покалякаем. – Марго явно начинал нравиться симпатичный недоросток. Разбойники с радостью подчинились атаманше и скинули петлю, хотели развязать и руки, но она не велела. Метьер, беспечно насвистывая, уселся на табурет и положил ногу на ногу.

– Послушай, – подсел к нему на корточках Лысый, – а какой он из себя, славный парень Робин?

– Да уж не такой как ты, лысун, – заметил Лохматый. – Волос-то у него, небось, целая грива.

– Должно быть, он стройный и высокий, – завистливо пропищал рахитик Малыш.

Робин Гуд был маленьким, кривоногим, с толстыми губами и задранном носиком задирой, и если б не его справедливые друзья, никогда бы не признал поражения, но Метьеру не хотелось их разочаровывать, это могло быть и опасно.

– А разве Учум не рассказывал вам о нём? – спросил он вместо ответа. Старик сверкнул глазами, и Метьер понял, что зря задал этот вопрос. И тут, к счастью, подбежал Хохмач.

– Бург ещё дышит, а это, – он потряс сумой, – я вырвал у него из-под наковальни, – он постучал себя по голове, ожидая смеха. Он был глуповат.

Марго строго посмотрела на него, и он скоренько отдал ей потрёпанную дорожную суму.

– Вот-вот, там грамота, такая, с печатью, – сказал, оживившись, Колобриоль. – Там всё, всё написано.

Пергамент с печатью и буквами заходил по рукам. Загвоздка заключалась в том, что никто из разбойников читать не умел. Пергамент взял в руки Учум и уставился в него. Он очень боялся, что Метьер разоблачит его перед всеми во лжи: ведь он никогда не видел Робина Гуда, а про стрелы ему рассказывали.

– Да что тут читать, ерунду всякую, – вскричал он, – закорючки непотребные. – Вешать его, этот наглец нашего главаря убил, и твоего любимого мужа! – напомнил он Марго, и, выхватив нож, хотел порезать грамоту в клочья, как тонкая но цепкая рука высунулась из-за дерева, облокотившись на которое сидел в своём кресле Учум, и вырвала у него пергамент. Это была рука принца Алекса, и он вышел на поляну.

– Принц! – всплеснул руками Лысый, – принц Гистрион, а тебя что, не сторожат?

Никто не хотел оставаться в хижине, когда тут так интересно, и Алекс развязал верёвку и даже нашёл в уголке отобранный у него Бургом «глазной камень», без которого несколько страдал.

– Я умею читать, – сказал он громко, – и сейчас вам всё прочту. – И он приставил к глазам выпуклую сферу. Для убедительности, потому что читать он мог и без неё. Он глянул в грамоту и увидел там знакомые буквы, которые складывались в неизвестные ему слова. Ведь в Средневековье было много разных наречий, а алфавиты похожи. Он посмотрел на Марго.

– Ну читай уж, цыплёнок, – разрешила она.

– Иборури ибоири, – честно прочитал Метьер, и, подумав, перевёл: – Это значит «Победившему от побеждённого». Это крупно. А дальше помельче. – И он навёл камень, как бы усиленно вглядываясь в текст. – «Это грамота дана лучнику из Деваки Метьеру Кораблетролю, – тут Метьер хихикнул. – Да, Кораблетролю, как знак его победы над самим мною, Робин Гудом, – сочинял на ходу Алекс. – Теперь не я, а он лучший стрелок мира». – Он было закончил, но спохватился. – «Грамота эта также оберегательная. Метьер имеет право безпрепятственно ходить и ездить по всему Средневековью, а захочет – и поселиться в нём навсегда. А кто с этим поспорит, будет имеет дело с нами, Вольными стрелками Робина Гуда. А кто ранит его, или на своё несчастье, убьёт, тому мы обещаем мучительную смерть в трёх поколениях с конфискацией всего имущества!» Подпись: Р.Г. и печать – герб с тремя перекрещенными стрелами.

– Такие же у меня на застёжке плаща, видите, – показал Метьер, – его подарил мне Робин, и на стрелах по 3 зарубки. А сейчас, если не хотите, чтоб сюда нагрянули Вольные стрелки, развяжите мне руки и отдайте коня: я тороплюсь в Деваку! – Кораблетроль, как окрестил его Алекс старался быть грозным, но глаза его улыбались: он любил приключения, и перед ним уже стояли не разбойники, а какие-то испуганные дети.

– Да... – вымолвил Молчун, который говорил редко и потому к нему прислушивались. – Не стоит ссориться с Вольными стрелками. Их земля не так уж далеко от нашей.

– И я считаю, не надо ругаться с самим Робинем, – прибавил Лысый.

– Так отпустим Карабуля, не помню как, язык вывернешь, – пропищал Малыш.

– Но сперва угостим его, и сами хорошенько надерёмся, – сказал Хохмач, и все засмеялись, но обернулись к старику и Марго.

– По-мер! – вдруг донёсся из хижины вопль любителя немножко пощипать у своих, пока они отсутствуют. Разбойник выбежал на поляну. – Помер Бург и весь почернел и разбух, в дверь теперь не вытащишь, придётся крышу снимать.

– А-а! – завопила Марго, машинально отбирая у него упёртую брошь и кинулась было к хижине, но тут же вернулась и схватила Метьера за развязанную руку. – Нет! Никуда не уедешь, убил мужа, так заменишь мне его! – и она поволочила лучшего стрелка мира за собой, как разъярённая мать напроказившего мальчишку.

– Дура! – тихо сказал ей вслед Молчун. – Тебя и нас всех убьют, а деревню сожгут. Пошли отбивать.

И разбойники, даже не оборотившись к старику, побежали к хижине. А старик остался в кресле, и задумчиво попивал винцо из большой бутылки. Он отправлял его маленькими глоточками в изношенную утробу, предварительно споласкивая рот и жмурясь от удовольствия.

Марго же заперла Метьера в подпол и ключ сунула куда-то под юбку.

– Попробуй кто отыми! – показала она всем кулак, и оказавшегося первым Хохмача ошарила слегка по голове так, что он лёг рядом с Бургом едва ли не такой же мёртвый, как тот. Довод был убедителен, и разбойники занялись покойником.

Труп Бурга зарыли, как и полагается, в землю, но в вертикальном положении и головой вниз. Было местное суеверие, что в конце времён земля перевернётся, и небо окажется внизу. Значит, оживший покойник сможет ступить ногами сразу на небо, где и ждёт его сладкая небесная жизнь. Они были язычники.

Алекс, про которого подзабыли, мог бежать. Но сердце подсказывало, что надо спасти Метьера, и что встреча эта не случайна.

Спасти, но как? Он встал на колени среди дубов и стал молиться Единому Неведомому Богу, как учил его дед, король Кеволимский. Потом поднялся, отряхнулся и с лёгкой душой, насвистывая какой-то новый мотивчик, ещё без слов, направился к хижине. «Новая песня будет о долгой дружбе», – восторженно думал он. Ему ведь, как и Метьеру было восемнадцать лет!

Все были на похоронах. На дверце, ведущей в подпол, лежал чёрный замок, величиною с детскую голову. Алекс не стал его трогать, он знал, что сейчас что-то произойдёт и они спасутся. Он стал разговаривать с узником, разумеется, на своём наречии. Метьер знал несколько языков Средневековья, он был полиглот и запоминал всё с лёту. Они вкратце поведали друг другу о себе, посмеялись над тем, как перековеркал Алекс фамилию Колобриоль и как сочинил грамоту, где на самом деле было только: «Победителю всемирных соревнований по стрельбе из лука, проходивших в Шервинском лесу Метьеру Колобриолю», дата и подписи грамотных участников состязаний и корючки неграмотных, которых было большинство. Неграмотный Робин запечатал всё в конце своим перстнем с тремя перекрещенными стрелами, подарил Метьеру, скрепя сердце, плащ, колчан со стрелами и длинноносые средневековские туфли.

Лекс же рассказал новому другу о Кэт, о том, что он сочиняет песни, спел про овечку. «Лютня у тебя фальшивит, – сказал Метьер, – буду жив, подарю свою. Обещаю, мне она от знаменитого Высоца досталась».

– Облава! Облава! – раздались испуганные крики. В хижину влетел протрезвевший Лысый. – Робя, облава! Должно быть, это Вольные стрелки! Марго убили, я её ощупал, вот ключ. – Он кинул ключ от подполья Алексу и встал на колени, руки его дрожали.

– Робингудцы никого не щадят. Гистрионушка, умоляю, если не ухоронюсь, скажи, что я спас этого Кара-бле-круша! – он кивнул на подпол и пополз к выходу. – А лучше спрячьте меня в подполе, спрячьте, они всё жгут! Мама, я боюсь! – и Лысый снова пополз к Алексу.

Но тот его не слушал, он открыл замок, Метьер выбрался – и тут загорелась хижина. Стрела с зажжённой паклей на конце попала в неё – хижина вспыхнула мгновенно.

– А-а! – заорал Лысый и на коленях пополз в самую гущу огня, – я боюсь! – Он просто обезумел.

– Выволакивай! – крикнул Метьер Алексу и схватил разбойника за толстую ногу.

– Он душегуб! Самим надо! – заорал Алекс, и, обхватив Метьера за туловище, выдрал его из хижины, у которой уже горел и обваливался потолок. В двух шагах лежала огромная Марго со стрелами в могучей спине, рядом сума Метьера, которую он и схватил по дороге. Неподдалёку на лужке топтались растерянные тревожные кони. За деревьями показался ряд наступавших рыцарей.

– Это не стрелки, – шепнул Метьер, – с какой стати!

Они по-пластунски пробрались к коням и вскочили на двух. Один по случайности оказался конём Метьера, Алекс, досадуя, что Кеволима нет, вскочил на чужого. И беглецы поскакали вниз по сельской дороге... в общем, неведомо куда.

Наступал и всё жёг отряд рыцарей местного феодала, которого перестала устраивать дань, которую платил ему Бург. К тому же разбойничья деревня стала раздражать соседних феодалов: «ни пройти, ни проехать!» – они предъявили претензии. И местный феодал решил не связываться с соседями и пожечь и саму деревню и её обитателей. Что и сделал. А кто ему запретит? Это ж ЕГО РАБЫ. Такие, ребята, были нравы и обычаи!

...Они сидели среди душистого разнотравья на уютной небольшой полянке под голубым с весёлыми кучерявыми облаками небом. Небольшая, но густая группка берёз и ёлок отделяла их от проезжей дороги. Лошади стояли привязанные к ближним деревьям.

– Ну вот, – сказал Метьер, достругивая стрелу, – и тебе будет лучок со стрелками. – Себе он уже смастерил. – Как же в наше время без оружия. Эх, жаль, Гудовские стрелы пропали! А теперь пришло время прощаться. – Он достал из сумы круглую штуку с цифрами. – Необходимейшая вещь. Называется компус Га, Гаспар, значит. Это изобретение нашего умельца Гаспара Арнери. Смотри, мне надо на север, и вот стрелка указывает вон туда. Значит, мне туда. А тебе...

– На восток, – пожал плечами Алекс.

– Значит, вон туда, назад... А знаешь, у меня тоже есть девушка и ей всего четырнадцать лет. Мне не терпится увидеть её и похвастаться победой, – он похлопал по суме. – Но путь к твоей Кэт труднее. Потому на, дарю. – Он протянул ему компус Га. – Я-то доберусь, а ты неизвестно сколько будешь скитаться.

– Спасибо, Метьер. А мне нечего тебе подарить.

– Ой-ой, я уже должен гордиться, что знаком с целым принцем, я – простой лучник! – и Метьер иронически воздел руки к небесам.

– Хватит, Метьер. Ты не простой лучник. И... не «знаком», а ты мне знаешь кто? Друг.

– Друг? Ну что же, я согласен. – Он развёл руки, и они крепко обнялись. – А насчёт того, что тебе нечего подарить, хм... Ты спас меня от виселицы – раз. И вытолкал из горящей избы – два. Два-ноль в твою пользу. Ну и в мою тоже, потому что я жив. Но я твой должник. – И он вздохнул. – А теперь, всё-таки, разбежались, принц. А впрочем, ты теперь поэт, или как там по-вашему, выбирай: менестрель, трубадур, бард, или...

– Гистрион! – вскричал Алекс, хлопнув друга по плечу. – Меня так разбойники прозвали.

– Гистрион? Дураки необразованные, да это ж вроде шута.

– Ну да, я ведь и фокусы им показывал. Пусть будет Гистрион как имя, с заглавной буквы! А? Красиво?

– Ну, как знаешь. А фокусы хорошо: кусок хлеба. Ну что ж, удачи, Гистрион.

– И я клянусь, – сказал Алекс, – что забуду своё имя, и буду Гистрионом, пока не найду принцессу Кэт!

– А я клянусь, что подарю тебе знаменитую лютню. Когда-нибудь. – Друзья снова крепко обнялись и расцеловались. И тут на дороге раздался цокот копыт.

– Ну вот, дообнимались, – сказал Колобриоль.

Они кинулись к коням, готовые бежать, но молодое любопытство заставило задержаться.

И, спрятавшись за деревья, они смотрели на дорогу. На восток двигалось четыре рыцаря на конях, с копьями наперевес, за ними карета, и за ней кавалькада из конных и вооружённых копьями людей.

– Странный герб на карете, – сказал зоркий Метьер, – на голубом квадрате серебряный ключ. Никогда такого не видел.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал сощурившийся Гистрион и приложил к глазам «глазной камень». Сердце его защемило.

«Так, – подумал Метьер, – и очки ему подарю. Темные они тут, в Средневековье!»

– Это мои... это за мной, – сказал Гистрион, стараясь дышать ровно, – едут меня выкупать! Но я не хочу домой, без Кэт не хочу!

– И, главное, там, куда они едут, теперь опасно.

– Что же делать? Ведь может быть в карете дедушка, или... или бабушка! – Гистрион схватился за голову.

Метьер сел на землю и полез в суму.

– Хорошо, что суму не разворовали. У меня тут письменные принадлежности. Вот кусочек чистого пергамента. Пиши.

– Что? Ах, да!

«Не езжайте туда, – писал он, – меня там нет и там опасно! Я не поеду домой, пока не отыщу Кэт. Дедушка и бабушка, простите меня! Ваш сынок принц Кеволимский Алекс». Последний раз пишу это имя! А как передать?

– Легко! – спокойно улыбнулся Метьер. – Сам я не хочу больше в плену сидеть, а там пока то-сё, да всякие разборки. Поэтому сделаем так. – Он проткнул письмо стрелой. – Если за мной погоняться, я буду мчать во весь дух. Во всяком случае, сюда больше не вернусь. Прощай, то есть, надеюсь, до свидания. Когда-нибудь. – Они обнялись в третий раз. – Если карета проедет назад, значит письмо дошло. Скачи на восток. Только объезжай сгоревшую деревню. – Он ещё раз улыбнулся своей несколько легкомысленной улыбкой, и ускакал.

Кавалькада уже исчезла на востоке, потому Гистрион не видел, как Метьер, поскакав по обочине, вонзил стрелу с нанизанным на неё письмом прямо в карету и стал удирать от нескольких рыцарей.

Гистрион ждал, наверное, около часа, и кавалькада-таки проехала назад, на запад. А ему почему-то хотелось плакать и от тоски по родному замку, и от разлуки с Метьером: где он? Жив ли? – и от неизвестности, что будет дальше. Вскочив на коня, он было хотел скакать за каретой. Но это хотел Алекс, а Гистрион решительно повернул на восток. Скачи, Гистрион, и мы теперь будем так тебя называть. Конечно, пока ты не встретишься с Кэт.

Он скакал и думал, что хорошо бы ещё разочек увидеть и убедиться, что жив, жив его единственный друг, лучший стрелок мира Метьер Корабле...тьфу! – и Гистрион расхохотался, развеселился, и, мужественно расправив плечи, поскакал что было мочи.

И тёплый июньский ветер, насвистывая, летел ему в лицо.

Глава седьмая

Бегство Раздватриса. Смерть героя

Церемониймейстер и танцмейстер двора трёх толстяков, Ангор Антаки, по прозвищу Раздватрис, имел обыкновение думать на ходу, почти на бегу, по крайней мере, в каком-то движении – проносясь по длинным коридорам дворца, или крутясь по бальным залам в танце... Эту привычку он приобрёл, бегая в детстве по холмам родной Деваки, а закрепил во дворце. Поэтому в звериной яме, куда его спустили победившие мятежники, на самом деле сохранив от немедленной расправы, он не мог сообразить, как ему удрать отсюда: для соображения просто не было места.

В разодранном сиреновом полуфраке, в синяках и засохших кровавых ссадинах сидел он, уткнув в колени длинных ног квадратный подбородок. Всё его нескладное длинное тело, совсем не приспособленное для танцев, выражало не тоску, а скорее вынужденно отдыхающую злобу. Яма в зверинце трёх толстяков была предназначена для одного хищника, с тем, чтоб он лежал и грыз мясо, а не бегал и не размышлял, как сбежать. Для гульбищ была большая общая арена, куда вёл из ямы подземный ход, зарешёченный и запёртый на огромный висячий замок. Это означало, что в яме для тигров сживали и люди, для зверя обошлись бы и засовом, который, кстати, тоже был.

Меж прутьев решётки можно было просунуть и руку и лапу, но сил сорвать замок у Ангора не было. Он сидел, а в голове вместо плана побега крутились слова революционной песенки: «На баррикады! На баррикады! Поём мы яростно: свобода или смерть!» Раздватрис скрежетал зубами, мотал головой, злобно плевался, попадая в основном на самого себя, но мотив не исчезал. Яма была достаточно глубока и выбраться наверх не представлялось возможным.

На небе и вокруг была уже ночь. Сияли крупные звёзды. То ныряла, то выныривала из-за облачка луна. Утро прошедшего дня было ужасным. Раздватриса стащили с мягкой перины в комнате отдыха при башне пыток, где он дрых, не допытав крестьянина, землячка из родной деревни, ведь танцмейстер был ещё и главным палачом. Перед сном Ангор выпил стакан особого отдохновина, напитка, составленного когда-то доктором Гаспаром, и заснул сном праведника.

Но его грубо разбудили, вытащив из сладкого забытья прямо на пол, и он увидел уже наяву возле своего носа кулак с львиную голову. Вокруг стояли синемундирные гвардейцы трёх толстяков, перешедшие на сторону народа. А кулак принадлежал родному брату крестьянина, которого он пытал.

Ангор, отведав такого угощения, без сомнения расстался бы с жизнью, но тут вмешался его родной брат. Видный революционный деятель Исидор Антаки, он же любимец публики канатоходец Тибул, войдя в комнату, взмахом руки остановил избиение. Гвардейцы мгновенно повиновались любимому артисту, хотя и не знали о том, что циркач и палач братаны. А может, и хорошо, что не знали. Это не было тайной, кому положено было знать всё, тот знал всё. Но братья Антаки не афишировали родство, а по фамилиям и даже по именам в Деваке почти никого не звали, чаще по прозвищам да кличкам. Даже толстяки были: первый – Дохляк, второй – Страус и третий – Младшой. А как их родители называли, не помнил, наверное, никто.

Ой, как я отвлёкся! Итак, товарищ Исидор-Тибул поднял руку и приказал «танцора временно не убивать, а кинуть в яму с тигриными испражнениями» – общий смех! – «слишком на нём, господа-товарищи революционные гвардейцы, много крови. Его будет судить народ». Тут он единственный раз посмотрел на Ангора, и тот догадался, что заготовленную фразу: «Здравствуй, брат! Ты что, не узнал меня?!» лучше не произносить. Для обоих лучше.

Весь день Ангор прождал расправы, но всё было тихо. Лишь однажды кто-то крикнул: «Смерть Трисдварасу...», но голос оборвался, видно, охрана, которая почему-то не показывалась ему на глаза, не дремала. «Пока бдят, – немного успокоился танцор, – но что будет к ночи, когда начнут активно праздновать победу?» А к ночи мрачный гвардеец опустил на верёвке корзину с едой и бутылкой вина. «Корзина с вензелем из дворца, мятежники гуляют, гвардеец – ишь ты! – трезвый, а потому и мрачный, – прикидывал узник. – Брат, понятно, не навестил, но ужин прислал... э... э... съедобный, спасибо и на том».

Поев, немного поправившись, он попытался заняться любимым делом: придумать оригинальную, небывалую ещё казнь, кому? Да хотя бы себе самому! Он встал и немного потоптался по дну ямы. Простора не было, и потому в голову лезли казни самые обыкновенные: отрубить голову, повесить, разорвать, сжечь и заморозить – тьфу, скука!

Итак, была ночь. Как сумасшедшие, трещали цикады. Небо озарялось салютами и фейерверками: во дворце праздновали победу. В ветвях ближайшего к яме дуба блестело в лунном свете несколько застрявших воздушных шаров. Зверинец был на задах толстяковского парка, а дворец посерединке, и если там и были какие-то соответствующие победе шумы, то здесь их не было слышно. И звери, хоть и были несколько возбуждены сменой социального строя, делали вид, что это их не касается, и пытались заснуть. «А вот как не даст вам завтра жрать новая власть, будете знать!», – злорадно думал Раздватрис.

Но звери хотели вести дореволюционный образ жизни, была ночь и надо было спать. Пытались заснуть обезьяны, тихо покачиваясь на лианах, развешенных среди дубов новатором-садовником Мичуром, зимой они ночевали в утеплённых дуплах. Пытались заснуть павлины, попугаи, а также хищники-людоеды, которых держали, чтоб потешать толстячков, любивших после обильного завтрака насладиться видом терзаемой человеческой жертвы, не по жестокости, а просто так издавна принято. Послышался короткий львиный рык сквозь сон. А может, громкий зевок, а может и не львиный, а тигриный. «Завтра-послезавтра, а может, уже сегодня этот зевавший раздерёт меня, ещё молодого двадцатипятилетнего человека в клочья на потеху девакской черни, и мне будет всё равно: лев это, или тигр.»

Ангор снова сел, обхватил себя длинными руками – несмотря на тёплую летнюю ночь, в яме было сыровато – и стал задрёмывать. Старый одноглазый филин Момо заухал. «Должно быть, жёлтый глаз его горит, я сплю, а он всё горит, всё полыхает, как жёлтый костёр...»

– Ангор, – зазвучал в мозгах детский голос, – Ангор Антаки, сегодня тебя казнят.

– Может, сегодня, а может, завтра, а может, и не казнят, а... – забормотал Раздватрис.

– Нет, – перебил его голос, – точно казнят с е г о д н я.

Ангор открыл глаза: прямо перед ним за решёткой горел жёлтый глаз филина, у него была большая голова с торчащими рыжими волосёнками. Голова нагнулась и маленькая ручка почесала молодую проплешину.

– А, это ты Пупс, чего тебе? – насторожился Ангор, узнав карлика, помогавшего звериным зрителям и знавшим здесь все ходы.

– Пупс, да, так ты звал меня, – хихикнул человечек и убавил огонь в жёлтом фонаре, который Ангор принял за глаз филина, – вообще-то меня зовут...

– Мне плевать, как тебя зовут, чего тебе надо? – грубо прервал его Ангор.

– Ты не должен меня бояться, – снова хихикнул карлик, – я друг, я больше, чем друг... Тебя сегодня кинут к тиграм, – детский голос дрогнул и захныкал... – Голодные львы и тигры... они... они...

– Они разорвут меня на части и проглотят, даже не распробовав, – не без пафоса произнёс узник. Он решил немного повыпендриваться... – О! Я не раз это наблюдал!

– Да! – с жаром прервал его человечек. (Перед ним не надо было красоваться, он и так был переполнен восхищением). – Да! Ты ложился на зарешеченную крышу над ареной и плевал сквозь прутья в очередную жертву, которую сперва мучил в башне пыток! А когда её рвали

звери, тебе летели в лицо куски окровавленного мяса, а ты переворачивался на спину и хохотал так, что солнце в небе сжималось от страха! Я любил и боялся в это время наблюдать за тобой!

– Про солнце это хорошо, – сказал Ангор, – да ты артист, Пупс...

– О, пока только в мечтах! – растрогался карлик. И тут в очередной раз вынырнула из облачка луна. И он вспомнил, зачем пришёл. – Слушай внимательно, Ангор. Сейчас тебя посетит человек, который поменяется с тобою одеждой, его примут за тебя и некоторое время тебя не хватятся.

– И кто этот самоубийца?

– Нету времени. Решётка... – он повозился с замком, – не заперта... Не доходя до арены, жду тебя на камне. Всё.

– Погоди, я хочу знать, кому и что буду за это должен... – Но жёлтый фонарь вместе с Пупсом уже исчез в извилинах земли. И тут с тихим свистом в яму спустилась лиана, да не пустая: прямо возле его ног кто-то приземлился. Слетевший в яму потревожил павлинов, и они, вспорхнув на один из дубов, стали орать, как мартовские коты, или пробудившиеся младенцы. Луна светила вовсю, и хорошо, что никто из стражи не появился – праздновали все поголовно, а может, вообще никто не охранял, а? Прилетевший был одет в мундир и плащ гвардейского лучника при дворе их величеств трёх толстяков, всё зелёно-коричневое, под цвет травы и деревьев. Привстав, он оказался человеком среднего роста, с белокурыми кудрявыми волосами до плеч, лицо имел мужественное, простодушное и очень знакомое. В нём не было и тени страха.

– Переодеваемся, – дружелюбно предложил лучник, отстёгивая и скидывая плащ.

Ангор смерил прилётца взглядом и усмехнулся:

– Ты-то в мои панталоны влезешь, а влезу ли я в твои – вопрос.

– Не учли, – знакомый незнакомец на кривую усмешку ответил открытой обворожительной улыбкой. На груди блеснул серебряный герб из перекрещенных стрел, подарок Робина Гуда. И Ангор понял, кто перед ним. Этого молодого человека знала вся страна.

– Да, не учли, – повторил лучник. – Обойдёмся верхней одеждой, ночью не так заметно. Поспешите, прошу вас.

... Когда Раздватрис был по ту сторону решётки, он не удержался и шепнул:

– Метьер Колобриоль, первый лучник страны, победитель самого Робина Гуда, зачем тебе это надо?

– Как зачем? – Метьер округлил глаза. – Просто я люблю приключения. – И снова улыбнулся своей неподражаемой улыбкой.

Знакомая ненависть вползла в сердце Ангора.

– Если сюда прорвётся какой-нибудь жаждущий моей крови, а таких много... очень много, и всё же примет тебя за меня, приключения, которые ты так любишь, закончатся слишком быстро. – И он посмотрел на Метьера тем взглядом, которым смотрел на всякого, кто пытался, как ему казалось, унижить его своим благородством. Его жертвы уносили этот взгляд на тот свет. Но то ли было темновато, то ли что, но Метьер выдержал взгляд и не снял улыбки. Но почувствовал, что перед ним человек, который за добро, оказанное ему, не просто способен, но считает своим долгом всадить в тебя нож. Неизвестно, кто первый из них отвёл бы взгляд, но снова замяукали павлины и они убрали глаза одновременно. Метьер сел на место Ангора, а Ангор, забыв повесить замок – а в нём даже ключик, предусмотрительно оставленный карликом, торчал, – ушёл в тигриный подземный коридор на бледно-жёлтый свет далёкого фонаря.

«Не спросил даже, кто его послал, не Тибул ли?» – думал он, скривившись от застоявшегося звериного запаха.

А Метьер сел на место и приготовился к худшему. Когда карлик Пупс, давнишний его приятель, передал ему просьбу одного высокопоставленного ныне человека, и объяснил, почему выбор пал на него, Метьер сразу согласился. Во-первых, он действительно любил при-

ключения, а во-вторых, знал любовь к нему народа, и, так же, как Пупс, не верил, что, если всё откроется, его казнят. «Это если народ будет решать», – заскочило вдруг в него сомнение. И слова о жаждавших отомстить Раздватрису не пропали бесследно. И вообще, зачем было помогать бежать главному палачу, убийце, которого ненавидела вся Девака?! – только сейчас эта мысль поразила его. «Затем, – тут же горячо возразил он кому-то, – что я люблю людей. Разных людей! Всех людей! Может, он ещё исправится...» «Затем, что ты крайне легкомыслен!», – сказал в нём голос покойной матери. И это была правда.

Тут павлины мякнули вторично, и Метьер приготовился к самому плохому исходу, и пожалел, что колчан со стрелами остался в казарме. Павлинов разбудила разухабистая песня. Возле ямы остановились два гвардейца, они стояли обнявшись, тем самым не позволяя друг другу упасть. Один был с фуражкой козырьком назад, а второй вообще без фуражки и даже без ремня. Это была празднующая победу охрана Раздватриса. Был ещё и третий, начальник, но он до ямы не дошёл, и дрых, запряжённый подчинёнными в кусты. Луна то ныряла, то выныривала, певцы раскачивались, то попадая в тень от дубовых листьев, то выходя из неё, пели нестройно, но с душой:

Живём под игою оплывших,
Уже с утра глаза заливших,
Всех нас объевших и обпивших
Эксплуататоров толстяков.
Они к нам с Запада припёрлись,
И мы сперва слезой утёрлись,
Но опосля мы к ним притёрлись,
Пушай нас доют, дураков.

«Попса! Какой-то бардик под тёмный народ косит, – опосля! – думал Метьер. – И с какого Запада? Младшой, что ли?» А песня набирала силу.

Всё б ничего, но Божья кара —
У этих толстых есть поджарый,
Вертячий шут, артист с гитарой,
Он сладострастник-особист.
На нас он кляузы катает,
Потом их сам себе читает,
А нас хватает и пытается,
Такой старательный садист.
И было б славно Триздваразу
Дать по скулам бы по полразу,
Причём бы всей Девакой сразу,
Чтоб он немедленно издох!
Но мы чего-то ждём, да ноем.
А невтерпёж – скулим, да воем.
И Бога о спасеньи молим.
Да только нас не слышит Бог! —

«А может, сам Раздватрис такие текстик и пишет», – вдруг промелькнуло у Колобриоля. – Эй, Триздвараз, так было прежде, но теперь прежнее кончилось! – покончив с песней, сурово крикнул баритон без фуражки. Завтра... нет! Сегодня тебя сожрут львы и тигры, рррр... – зарычал он устрашающе.

– М-да! Зав... сегодня скушают тебя зверики, тигрики и лёвики! Рииии... – повторил фальцетом в фуражке козырьком назад и захихикал, довольный.

– А мы тебя больше не боимся! Чего ты нам теперь можешь сделать?

– Да, теперь-то мы уж тебя совсем не боимся. Вот.

И тут благородные мысли Метьера о любви к людям подверглись серьёзному испытанию, ибо сверху полилась вонючая струя, а за ней и вторая. Метьер вжался в стену, но брызги до него всё равно долетали. Вот это приключение! Хорошо, что полуфрак Ангора был так велик, что позволил втянуть в себя и руки и, отчасти, голову. «Как страус в песок», – подумал Метьер, и вспомнил, что Страус, это прозвище второго толстяка, своим ростом и неуклюжими манерами напоминающим главного палача и танцора. Не зря болтают, что Раздватрис его побочный сын. Видимо, в этом секрет его быстрой и успешной карьеры при дворе.

– Ах вы, бездельники! – раздался вдруг зычный голос. – Вас охранять поставили, а вы в каком виде?!

– Мы не бездельники, мы рев-волюци... – начал один.

– ...онеры мы! Вот мы кто! А ты кто такой?! – подхватил второй.

– Я кто?! Ах, вы...!!! – распекающий набрал побольше воздуха и заревел так, что павлины опять заорали дурными голосами. – На-дра-лись до того, что своего начальника не узнаете!!! – и поскольку свет луны едва продирался сквозь облако, он поднёс к лицу фонарь.

– Господин генерал?! Мы пропали! – в фуражке козырьком назад в ужасе закрыл его лицо.

Да, это был знаменитый генерал Бонавентура, ревностный служака при дворе трёх толстяков, а вот поди ж ты, одним из первых перешёл на сторону мятежников.

– Ничего мы не пропали! – наглым тоном заявил сидящий на траве и мотающий портянку без фуражки, – мы не рабы ему, а свободные повстанцы. А господ сегодня товарищ Ти... ти, – он никак не мог натянуть сапог, – товарищ Титибул, – натянул он сапог, – отменил сегоднешним указом! – Он встал на четвереньки, но подняться пока не мог. – Теперь мы такие же свободные личности, как всякие... генералы! – И, держась за длинную в ножнах саблю близко подошедшего Бонавентуры, он поднялся и дыхнул ему в лицо отдохновинком. – Мы теперь все товарищи.

– Да, мы теперь товарищи, – с удивлением произнёс непривычное слово второй и нахлобучил фуражку козырьком вбок. – Мы товарищи, да? – ласково спросил он, осторожно тронув генерала за рукав.

– А я и не говорю, что я господин, – вдруг струхнул старый служака, – я тоже вам товарищ. Но всё же я покамест ваш начальник, – голос его, устыдившись минутной слабости, забулькал, как магма в груди готовящегося к извержению вулкана. – И поскольку Я ваш начальник... – генерал говорил тихо и раздельно, – Я прикажу вас... сейчас... повесить... без суда и следствия... по революционным законам! – лава накопилась и хлынула на горе находящимся возле. – Я сам вас повешу, как... как своих товарищей, как обосравшихся своих товарищей, я вам, наглецы, покажу товарища, я вам мозги повышибаю! – И стал вытаскивать из ножен заржавевшую от безделья саблю.

– О! Не надо! Не надо, господин генерал, – с козырьком назад упал на колени, – не надо нас вешать! – умолял он, хотя Бонавентура собирался их рубить, да сабля не вытаскивалась!

– Пусть! Пусть он нас повесит! – вдруг завопил без фуражки. – Мы свободные повстанцы, пусть он выбьет нам мозги!

– Не повстанцы вы, а засранцы... – устав воевать с саблей, проникновенно заметил старый вояка. – Пошли вон отсюда!.. Уведи его в караулку, – тихо приказал он стоявшему на коленях более трезвому гвардейцу.

И когда они отошли, наклонился над ямой, стараясь фонарём осветить сидящего.

– Вот видишь, друг Ангор, – сказал он задушевно. – Какая жизнь-то началась! Бардак. А ты доигрался! – он добавил громкости, – говорил я тебя, что не надо так с народом, с простыми

людьми! – генерал нарочно исковеркал слово, чтоб если кто подслушивает, услышал, как он к этому народу близок. – Теперь вот страдай за свою... за своё... – он не мог вспомнить нужного слова и махнул рукой. – А мне тебя, дружок, искренне жаль, – он убавил громкость и добавил слезливости. – Решили не устраивать над тобой общего, ну, народного суда. Зав... то есть уже сегодня, кинут тебя к зверям безо всяких свидетелей, и... и раздерут тебя звери-то... ведь это ж... звери... Должно быть, это очень больно? – спросил он как бы сам себя. – А дом-то твой в деревне земляки твои сожгли, вместе с «курятником», – сказал он почему-то весело, – помнишь, как там хулиганничали-то? – он взвизгнул. – А что это у тебя... лиана какая-то свисает... ты же можешь... того... – он вытянул лиану наверх и осмотрел конец. – Прощай. Спасибо, что не просишь о помощи. Не помогу! Честно. Во-первых, ты враг номер один, хуже толстяков, – сказал он громко. – А во-вторых, – добавил он тихо, – ты меня первый и сдашь, или прирежешь при встрече, уж я тебя, как облупленного, знаю! Да ты спишь, что ли? Скажи хоть словечко, друганы ж мы были. Али умер? – он опустился на колени и протянул фонарь пониже. Кстати и луна вынырнула. И тут Колобриоль не удержался. Ему же было всего двадцать лет. И он был несколько легкомыслен. Так что на вопрос генерала он выпростал из фрака голову, скорчил рожу, конечно же, «ме-е» произнёс, а потом язык выставил.

– Да ты ли это, друг Ангор? – изумился Бонавентура и стал подниматься на ноги, чтобы набрать в лёгкие воздуха. То ли сердчишко зашалило, то ли «Караул!» захотелось крикнуть, но не успел он полностью распрямиться, как ему на спину и плечи обрушилось что-то большое, лохматое, довольно тяжёлое, и загукало и застучало лапами по стриженной седой голове, генеральская папаха с которой исчезла и оказалась на башке этого чудища.

– А-а-а! – взревел Бонавентура и тут же схлопотал по толстой багровой щеке, сначала по одной, потом по второй, и посеменил на полусогнутых, тихо причитая: «Что же это? что же это?» «Надо же, – подумал Метьер, – какие трусы до генералов дослуживаются!» Он-то видел, что это всего лишь обезьяна Микки, любимица наследника Тутти и лучшая подружка самого Метьера. «Это же она м е н я спасает, – дошло вдруг до него, – она же сразу сообразила, что в яме нахожусь я! Но что теперь делать? – меня, кажется, обнаружили, во всяком случае, заподозрили, что в яме не Ангор. А успел ли он убежать... в надёжное место? И... и не убежать ли также в надёжное место и мне?! Но хорошо ли, правильно ли это будет? Неужели я тоже трушу?!»

Метьер бы не мучился, если б знал, что генерал Бонавентура не успел никому передать своих подозрений. Прокатив Микки на плечах всего несколько метров, он споткнулся о собственную длинную саблю, и полетел вниз, в такую же звериную яму, но там уже был насельник, то есть насельница – в ней отдыхала пантера Зинна. Обезьяна успела перед ямой прыгнуть на землю, невольно подтолкнув генерала лапами и сделав его падение неотвратимым. Но тут мы пока несчастного Бонавентуру оставим наедине с голодной хищницей...

– Ах, ты, шимпанзешка моя дорогая, ты чего не спишь по ночам? Почувствовала, что я в опасности? – спросил Метьер, когда Микки спустилась к нему по неровно выложенной камнями стене. Микки, сдвинув папаху на затылок, раздумчиво чесала лоб, с удивлением разглядывая лучника в необычном наряде. Это была длинношёрстная шимпанзе, специально выведенная для Деваки, где бывает зима, и иногда со снегом. От прочих обезьян своей породы Микки отличалась необыкновенными, чистой голубизны, огромными глазами. И сейчас, глядя в эти глаза и в полутьме скорее угадывая их голубизну, Метьер стукнул себя по лбу. Он вдруг припомнил такие же большие и голубые очи на другом, более дорогом и любимом лице.

– Ах, я, баран! Сегодня же день рождения Светлины!

Да, сегодня его невесте Светлине исполнялось шестнадцать лет! Это Девакское совершеннолетие, теперь они могут пожениться, а он в этой вонючей яме, и неизвестно, что с ним будет! Решение пришло мгновенно!

– Я вижу, господин генерал, – сказал Колобриоль, намекая на папаху на голове обезьяны, – вы устали на мой сиреневый фрак, видимо, он вам по нраву. А ну-ка, одевайся! – Он помог надеть Микки фрак и остался в белой, хорошо видной в ночи рубашке. Вот незадача! Потёрся о стену, попачкал беленькую землёй, даже плюнул на неё – уже не так видно! И тут вспомнил, что остаётся-то Микки, а он уходит к невесте – в грязной рубашке – идиот! К тому же под землёй кто белизну разглядит! Он плюнул ещё раз, уже с досады.

– Сиди здесь, вот так, – сказал он, усаживая Микки, – я должен непременно поздравить Светлину, хотя бы цветы подарить. – Он почесал обезьяну за ухом, отчего та заурчала, как кошечка. – Я скоро вернусь и принесу что-нибудь вкусненькое.

Из-за решётки он послал Микки прощальный воздушный поцелуй. «Эх, надо было папаху с её головы снять», – подумал он, вползая в подземный ход. И тут он вспомнил о настоящем генерале, о Бонавентуре. За мыслями о невесте он совершенно забыл о нём. Ведь если генерал понял, что в яме не Ангор, то... то Метьер сюда больше не вернётся, в конце концов, этот Трисдвараз уже далёко. Вот только Микки немного обманул, но... но что они сделают с обезьянкой? – смешно! Смешно-то смешно, а совесть немного мучила, первый стрелок страны был очень совестливый молодой человек! Но оставим его пока под землёй, Микки в яме, и вернёмся к Ангору.

...Подземный коридор был рассчитан на то, чтоб по нему пробежал зверь: тигр, лев, или пантера, и попал на арену, где проводились кровавые спектакли: поедания приговорённых к казни. Раздватрис мог передвигаться если не по-пластунски, то на четвереньках, но встать он никак не мог, в звериные сторожа и уборщики набирались люди не рослые и без претензий. «Гномы, что ли, рыли эти ходы», – с досадой думал Ангор, вставая на карачки. Хорошо ещё, что было не совсем темно, неяркий жёлтый свет от оставленного карликом где-то впереди фонаря немного освещал путь. Когда он поравнялся с фонарём, то оставил его висеть на стене, ползти и так было трудно. Проползая ещё немного, он услышал приближающиеся рыки зверей и остановился. «Арена... Хотелось бы знать, опущена ли решётка на входе, а то, может, лучше вернуться и чуть оттянуть встречу со смертью?» Он колебался, куда ползти. «Пупс-то прошёл, или... он был посланцем тех, кто жаждет скорейшей расправы надо мной? Но тогда бы он мог выпустить зверей прямо в яму, к чему эти сложности?» Ангор пополз вперёд, он жил во многом интуицией и не почувствовал предательства. Рыки стали громче, сквозь звериную вонь пахло свежим воздухом – арена находилась под открытым небом. Неужели придётся выходить тут, в сотне метрах от занятого чернью дворца?! Свет оставшегося позади фонаря совсем померк, и тут рядом с правым ухом тихо свистнули. Он замер и повернул голову. В нише на большом плоском камне сидел карлик Пупс. В руке он держал маленький тускленький красный фонарик. Карлик приложил палец к губам и кивком головы позвал Ангора. Следом за вошедшим он опустил решётку, даже запер её, и пошёл с красным угольком вперёд по коридору. Под дворцом и парком была целая система подземных ходов на случай вражьей осады, прорыты они были очень давно, и хоть войны не предвиделось, третий толстяк, по прозвищу Младшой, занимался их реставрацией. К радости Ангора, довольно долго он мог идти почти не сгибаясь. Так продолжалось почти полчаса, но вскоре то ли земляной пол стал повышаться, то ли потолок снижаться, но пришлось снова опуститься на четвереньки. Было к тому же сыро и довольно холодно – и вдруг они упёрлись в стену. Скорее это был не расчищенный старинный подземный ход.

Раздватрис сидел на полу, карлик стоял, чуть-чуть не доставая головой потолка, он отдал фонарь Ангору: «Посветите», поднял руки, и осторожно, отодвинув засов у себя над головой, тихо свистнул в приоткрытую щель какого-то люка, в ответ получил такой же тихий свист.

– Всё в порядке. Я так счастлив, что могу хоть как-то помочь вам. – Он заморгал ресничками и всхлипнул. – Подсадите меня, пожалуйста, и лезьте сами. – Он открыл люк до конца.

Ангор с брезгливой усмешкой упёрся в пупсов зад и пропихнул его в образовавшуюся дыру, после чего, отдав фонарь, без труда последовал за ним.

– Ловко? – хихикнул, не удержавшись Пупс. – Из подземелья прямо вона куда!

Да, это было неожиданно: они оказались внутри просторной кареты с сиреневыми занавесками на окнах и палач начал кое-что понимать. Он слышал о потайном ходе под землёй, который когда-то вёл в каретный сарай, замаскированный под овин в малолюдной деревеньке недалеко от толстяковского парка. Немногочисленное население обслуживало этот сарай и хранило под страхом смерти тайну. Если толстякам, или некоторым особо приближённым к ним лицам, надо было тайно покинуть дворец, или же принять в свои покои тайных гостей, чаще женского пола, этот подземный ход был очень кстати.

Завал, где они остановились, указывал на то, что ход идёт и дальше, но куда, это было лишь в бумагах у Младшего. Карлик тем временем пристроил красный фонарик на гвоздик между занавешенными окнами, задвинул пол кареты, зная, что люк в подземелье закроет кто-то другой, уселся на лавке напротив Ангора, вежливо ему улыбнулся, снова тихо свистнул и карета тронулась. Ох уж этот тихий свист! Похоже, в Деваке других условных сигналов в последние дни не признавали. А начала Суок, которая насвистывала на ключике наследника Тутти, и, открыв этим ключиком клетку, в которой томился Просперо, выпустила на волю революцию, помните? Я не утверждаю, что тихо свистят только мятежники, я только хочу сказать, что тихий свист ещё будет, приготовьтесь. Но вернёмся к первому лучнику Деваки, ведь он тоже не последняя фигура в нашей игре.

...Метьер Колобриоль, войдя в тигриный коридор, путешествовал, как предсказал Раздватрис, совсем недолго. Он быстро, благодаря еле чадающему жёлтому фонарю, дополз до камня, на котором недавно сидел карлик, увидел перед носом решётку – и свет погас: масло кончилось. Тогда Метьер прополз вперёд, в полную темноту, и уткнулся ещё в одну решётку, подёргал: заперто. И вдруг почувствовал, что не что поднялось и дохнуло ему в лицо сквозь прутья чем-то ужасным, каким-то гнилым мясом и провело ему по носу и выше мокрым, вонючим и шершавым. Метьер, едва живой от омерзения, отёрнул лицо и руки от решётки и быстро ретировался назад. Послышался звук отодвигаемого засова, влетела в нос струйка свежего воздуха, и пространство впереди осветилась неярким светом. Метьер отполз ещё дальше в тень. Из-за прутьев на него смотрела свирепая львиная морда, и, разинув пасть в зевоте, показала на мгновение то красное, чем лизнула нашего героя – герой чуть сознание не потерял. – Зачем зверюг накормил, болван?! – раздался недовольный мужской голос, – они завтра врагов народа жрать не будут! Может, ты тоже враг, а? – за спиной льва вслед за фонарём нарисовалась усатая физиономия ещё свирепее львиной и уставилась на вжавшегося в стену лучника. Юношеский голос стал оправдываться. Метьер не смог потом вспомнить, как он в одно касанье оказался у решётки в с в о ю яму, сердце бешено колотило о рёбра и он сжал его двумя руками. «Я напоролся на зрителя зверей, а вдруг он меня действительно видел, а вдруг Раздватрис ушёл недостаточно далеко? Это полный провал! Прощай, Светлина!» – он влетел в яму, даже не посмотрев, не наблюдает ли кто сверху. Сверху наблюдали только сильно побледневшая луна и исчезающие звёзды: потихоньку светало. Обезьяна Микки сидела, прислоняясь головой к стене, как бы пригорюнившись. В левом виске, возле сдвинутой на затылок папахи, торчала стрела. Метьер забыл о какой-либо опасности, подошёл к обезьянке вплотную, угрызения совести прожгли душу.

– Микки, Микки, это я тебя погубил! – он тронул рукой стрелу. – А стрела-то?! Это моя стрела! Никто не смеет брать мой колчан, никто, разве что... – И тут сверху, из кроны ближайшего к яме дуба тихо свистнули. (Ох, полюбили свист в мятежной Деваке!) Опытный боец, услышав такой свист, отпрыгнул бы в сторону, но Метьер никогда не участвовал в войнах, Робина Гуда он победил в мирном поединке. Итак, он задрал голову и глянул прямо в глаза смерти, потому что вслед за свистом из листвы выскочила стрела и вонзилась ему в шею

между кадыком и подбородком. Это была тоже е г о стрела, только пропитанная быстродействующим ядом, таким сильным, что он не успел даже додумать о том, что брать его стрелы и так классно стрелять может только его лучший друг, почти брат – Коль Метеор. Уже мёртвый упал Метьер на спину, задев обезьяну левой рукой, и та рухнула на него, прикрыв человека своим обезьяньим телом.

А стрелявший спустился с дерева и внимательно посмотрел в яму.

– Теперь Я буду первым лучником Деваки, а может, и мира, – сказал он тихо и надменно, и, выставив вперёд ногу и уткнув руки в боки, представил на миг, как ему рукоплещут все, а особенно юная Светлина, и цветы, цветы... – второй лучник страны Коль Метеор был ещё младше Метьера, ему было восемнадцать лет!

Через непродолжительное время он стоял навтыжку в тайной комнате дворца и докладывал неприметному человечку об убийстве своего лучшего друга, почти брата.

...А в самой большой зале шёл пир победителей: господа, то есть, извиняюсь, товарищи ремесленники и крестьяне, гуляли. Да гуляли не при свечах: вся зала была освещена каким-то иллюстрическим светом, или лампами Алыча, как их называли. Потому что полное имя пропавшего без вести в толстяковских тюрьмах доктора Гаспара, изобретателя этой роскоши, было Гаспар Алыч Арнери. Прислуживали празднующим победу бывшие вельможи и аристократы. Плохо прислуживали, без сноровки, умения и удовольствия, за что и получали периодически по мордам. Кстати, параллельно с пиром, прямо за столами, решались государственные вопросы, что на время правления Просперо станет обычным делом. А сегодня, прямо между переменной блюд, его всенародно избрали президентом, вернее, закрепили избрание шампанским. А вслед за тем решали, что делать с арестованными, главным образом с толстяками, и, конечно, с главным палачом Ангором Антаки.

– С однофамильцем твоим, – как громко бросил Тибулу прекрасно всё знающий Просперо. Толстякам Просперо предложил сохранить жизнь, но отправить их на север, в специальную зону для исправительных работ.

– Кроме Младшего, – вставил Тибул. – Не курит, не пьёт, полон энергии и потому опасен. Надо казнить.

Раздватриса решили казнить однозначно, и не позже, чем завтра, то есть уже сегодня. Впрочем, постановили, что окончательно решит народный зритель на площади у большой арены. – Разошлите глашатаев по ближним деревням и в город, – приказал президент. – Ну и хватит вопросов на сегодня. – И он решительно рубанул ладонью воздух. – Такой праздник: победили вековых эксплуататоров! Гуляем, в основном. А кто сунется с государственными проблемами – во! – и он показал собравшимся свой увесистый кулак.

Просперо был оружейник, а точнее, кузнец, среднего возраста гигант с горящими глазами и горячим сердцем, силач, способный кулаком убить тигра, что он и сделал недавно, когда толстяки решили позабавиться, и, арестовав его, бросили в клетку со зверем – людоедом.

– Сперва я хотел животную пожалеть и только оглушить, – рассказывал он просто-душно, – но когда этот людоед бросился мне на грудь, тут уж... взял грех на душу.

А как его тридцать гвардейцев арестовывали, а он их играючи по сторонам раскидывал, это отдельная песня.

– Но в клетку я всё ж-таки пошёл добровольно, у эксплуататоров в руках семья моя была: жена с дитёшками.

И вот этот кузнец стал первым человеком страны, её президентом. Сегодня, на сороковом году жизни он впервые выпил вина – в Деваке оно называлось отдохновин. До этого он пил только воду, и отдохновин развязал ему язык. Он сидел и рассказывал, какая их всех ожидает распрекрасная жизнь. Потом он совсем наотдохновинился, стал путаться, и его увели отдыхать.

А товарищ Исидор, ещё недавно подвизавшийся в одной труппе с танцовщицей Суок, и которого она до сих пор называла Тибул, сидел рядом с этой маленькой крепенькой циркач-

кой с пухлыми губками, с покрасневшими щеками, держал её, как бы по дружбе, за руку, и еле сдерживался, чтоб не расцеловать. Вместо этого он предлагал и ей, и сидящему напротив Тутти, открыть первый в мире революционный театр-цирк и школу для дрессировки тигров-людоедов, обезьян и прочих.

– У нас богатый зверинец и всё это принадлежит народу, а ты будешь первой дрессировщицей! – и всё пожимал её крепкую ладошку. Он был давно и безнадежно влюблён в Суок. Тутти, ещё вчера наследник толстяков, зыркал на них, как волчонок, и в то же время важно кивал головой и предлагал что-то своё. Его имя уже исправили, теперь он звался Ревтутом, то есть революционным Тутти. Он сидел с перевязанной рукой и немного недопонимал, что уже не наследный принц. Но был горд, что ему порезали в стычке руку и оказалось, что у него кровь такая же красная, как у всех людей, а не голубая, как внушали толстяки. Президент Просперо взял его под своё крыло, и он всю ночь просидел за столом рядом с ним, ревниво наблюдая... ну, сами знаете за кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.